

А.М. Сунгурский

ПУСТОЙ РЯД

А.М. Сунгурский

Пустой ряд

<https://litres.ru/74664883>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вадим Корнеев покупает восемь билетов на вечерний сеанс в ярославском планетарии и просит никого не пересаживать на его места. Он приходит один. Когда под куполом зажигается свет, его находят убитым среди пустых кресел. Дочь уверена: в этот вечер отец собирался совсем в другое место. Следовательно Евгении Северовой предстоит восстановить сорок две минуты показа — по чужим разговорам, коротким отлучкам и тому, что зрители заметили краем глаза. Кого ждал Корнеев? Зачем ему понадобился целый ряд? Семь кресел пустовали в начале и в конце сеанса. Но никто не может поручиться, что происходило между этими минутами.

Содержание

Глава 1. Все восемь	4
Глава 2. Свет в зале	17
Глава 3. Дочерин ключ	29
Глава 4. Люди по местам	42
Глава 5. После разговора	54
Глава 6. Друг семьи	66
Глава 7. Складная трость	79
Глава 8. Незаконченная работа	89
Глава 9. Два выхода	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

А.М. Сунгурский

Пустой ряд

Глава 1. Все восемь

Мужчина попросил восемь билетов, и Тамара развернула к нему схему зала.

— Детям льготные? Возраст назовите, я посмотрю.

— Взрослые. Один ряд целиком.

Она сняла очки, подышала на стёкла и вытерла краем синей салфетки. На экране свободные места были зелёными, занятые — серыми. Мужчина смотрел на них с таким напряжением, словно Тамара уже продала кому-то то, за чем он пришёл.

— Пятый свободен, — сказала она. — Четвёртый почти весь. Вам на сегодняшний, в девятнадцать?

— На сегодняшний. Пятый подойдёт.

Тамара последовательно отметила восемь квадратов. В пятом ряду никто пока не сидел даже на схеме, но после последнего щелчка ей показалось, что зал изменился: посреди россыпи отдельных мест образовалась ровная тёмная полоска.

— Четыре тысячи восемьсот. Картой?

— Да.

Он вынул карту из бумажника, а из бумажника выскользнул сложенный пополам листок. Мужчина поймал его у самого края стойки. Тамара успела заметить только загнутый угол и жирную черту, проведённую от руки. Он убрал лист отдельно, во внутренний карман куртки, и лишь потом приложил карту.

Принтер замял один из билетов. Тамара открыла крышку, расправила бумагу и сказала, что придётся подождать.

— Я не тороплюсь.

Но он уже посмотрел на часы.

Крупные руки, коротко подстриженные ногти, две сухие трещины на костяшках. На вид немного за пятьдесят. Светлая куртка, под ней тёмный пуловер; ничего такого, что помогло бы потом описать его среди других мужчин, приходивших осенью в «Круг». Тамара ещё не знала, что будет вспоминать именно это: сколько раз он смотрел на часы, в какой карман положил бумагу, был ли у него шарф.

Шарфа не было. Это она впоследствии помнила твёрдо.

— Все восемь у вас останутся? — спросила она, разложив билеты веером. — Или люди будут подходить по одному? Я могу оставить на фамилию, вы предупреждаете своих, они получают здесь.

— Нет, отдайте мне.

— Хорошо.

— Если кто-нибудь захочет туда пересест, вы не позволяйте.

— У нас вообще по своим местам.

— Я понимаю. Просто иногда ведь бывает: свободно, почему не сесть.

Он говорил вежливо, даже виновато. Тамаре стало неудобно за свою короткую фразу. Бывает, конечно. Люди занимают кресло повыше, просят поменяться, приводят ребёнка, который боится наклоняться назад, и тогда стараешься посадить его поближе к краю. Написанные правила не вмещали всякий вечер.

— Предупрежу контролёра, — пообещала она. — Но вход прекращается с началом. Если ваши опоздают, ждать их не станем.

— Не надо ждать.

— Сеанс сорок две минуты. Без перерыва.

— Я знаю.

— Уже были у нас?

Он взял билеты, выровнял края о стойку.

— Давно.

В «Круге» можно было бывать давно, хотя сам центр открылся только шесть лет назад. На этом месте прежде находился клуб предприятия, и Тамара привыкла к посетителям, которые начинали рассказывать, где здесь стояла новогодняя ёлка. Нынешний звёздный зал помещался в перестроенном малом зале; над ним подняли купол, а старые высокие окна остались за глухой внутренней стеной. Иногда человек приходил за воспоминанием о танцах и сердился на устройство

Вселенной, мешавшее найти прежнюю дверь.

Этот ничего рассказывать не стал.

— Запускаем за десять минут, — сказала Тамара. — Вон туда, по коридору, к синей двери. Гардероб рядом.

Мужчина поблагодарил её и отошёл. Не к гардеробу: к стеклянным входным дверям. Постоял, глядя на улицу, затем вышел под навес.

Тамара проводила его взглядом. В четверг восьмого октября темнело рано. Мелкий дождь почти не был виден в воздухе, зато блестел на плечах у людей, поднимавшихся по ступенькам. Возле входа женщина застёгивала ребёнку куртку поверх варежек; ребёнок никак не мог объяснить, что большой палец попал не туда.

— Тамар, у нас на завтра учительница перенос просит, — сказала из дверей Олеся. — Из-за автобуса.

— Какая?

— Которая с восьмым классом.

— У нас завтра две с восьмым классом.

Олеся нахмурилась и стала искать сообщение в телефоне. У неё была тяжёлая коса и привычка зажимать между пальцами всё, что попадалось: чек, карандаш, шнурок от пропуска. Сейчас она теребила угол синего платка на шее.

— С двадцать девятой школы.

— Это шестой класс, Олеся.

— Она написала: «У нас восемь заболели».

Тамара засмеялась. Олеся перечитала сообщение и тоже

улыбнулась, сердито выдохнув через нос.

— Вот не надо отвечать на ходу.

— Я тебе это который месяц говорю. И ещё: пятый ряд на вечер весь выкуплен. Если там останутся места, никого не пересаживай.

— Группа?

— Мужчина взял. Сказал, взрослые. Восемь билетов у него.

Олеся посмотрела на экран.

— Странно. Обычно группой к нам хотя бы звонят.

— Может, день рождения.

— На день рождения про расстояния между галактиками?

— А что? Ты знаешь, чем кого утешить?

Олеся снова засмеялась и ушла звонить учительнице. Тамара отметила в рабочем блокноте перенос, оставив рядом вопросительный знак: сначала пусть Олеся выяснит, на какой именно день.

Семь минут спустя пришёл следующий покупатель, потом двое. Мужчина в сером пальто заплатил за женщину, которая всё это время рассматривала витрину с маленькими каменными шарами. Тамара протянула ему билеты, а он, уже уходя, обернулся и спросил, очень ли темно будет в зале. Она показала на надпись о полном куполе и пояснила, что свет убирают постепенно, проходы остаются обозначены.

— Я не себе, — сказал он.

Женщина у витрины услышала.

— Да себе он, себе. Я в темноте хоть отдохну.

Тамара улыбнулась ей. Мужчина не обиделся, только переложил оба билета в другую руку.

Она ещё раз глянула в окно. Покупатель пятого ряда стоял под навесом, чуть в стороне от двери, и говорил по телефону. Свободной рукой придерживал воротник. Он не курил и не смотрел на экран, когда разговор закончился; ещё некоторое время держал телефон возле лица, как будто услышанное требовало ответа, которого не успел дать.

***

В шесть пятьдесят Олеся открыла синюю дверь. В коридоре сразу образовалась очередь: люди, только что свободно ходившие по выставке, стали прижиматься друг к другу и доставать билеты одновременно.

— По одному, пожалуйста. Времени хватит. Крупные сумки лучше оставьте в гардеробе, с собой можно взять самое нужное.

Мужчина из пятого ряда вернулся с улицы. На его куртке держались мелкие капли. Он был один.

Тамара вышла из кассы, чтобы отнести Олеся ведомость. Та проверяла билет пожилой посетительницы, которая никак не могла попасть пальцем в нужный файл на телефоне.

— Я открывала. Только что открывала, — сердито говорила женщина.

— Ничего, найдём. Как ваша фамилия?

За её спиной мальчик покачивал за ремень рюкзак, почти задевая пол. Мать тихо попросила перестать. Он послушался, но уже через секунду рюкзак снова двинулся.

Покупатель восьми мест терпеливо ждал своей очереди. Тамара подошла ближе.

— Успевают ваши?

Он повернул голову.

— Я сам войду.

— Да, конечно. Я спрашиваю, остальные будут?

Мужчина посмотрел на пачку в руке, потом на дверь зала.

— Если придут, я их увижу.

Он сказал это так, что Тамара не стала уточнять. Вечер был не её. Восемь оплаченных кресел давали человеку право на какое-то неудобство, которого он не хотел объяснять посторонним.

Когда дошла очередь, он отделил один билет, а остальные убрал во внутренний карман куртки. Олеся проверила код.

— Пятый ряд, четвёртое место. С левой стороны вам удобнее.

— Можно оставить куртку?

— Можно, только на соседнее кресло...

Она остановилась, вспомнив Тамарино предупреждение.

— В общем, пожалуйста.

Он улыбнулся. Впервые за всё время, что Тамара его видела, лицо стало простым, почти усталым.

— Места хватит.

Мужчина прошёл в зал. За ним — женщина с девочкой, трое студентов, высокий человек с мягким чёрным чехлом под мышкой. Чехол был узкий, длиннее обычной папки. Олеся спросила, что внутри. Человек расстегнул край, показал складную трость и объяснил, что она принадлежит матери: после сеанса он едет забирать её от сестры. Олеся попросила поставить чехол так, чтобы он не мешал проходу.

Тамара отдала ведомость и вернулась в кассу.

Ровно без одной минуты семь пришла женщина в тёмно-зелёном плаще. Поднялась по лестнице быстро, без одышки, у кассы на мгновение остановилась, но ничего не спросила и пошла дальше. Билет у неё был в телефоне. Тамара видела, как женщина протянула его Олесе, затем обе скрылись за открытой створкой.

Покупатель пятого ряда больше не выходил.

В семь из коридора донёсся голос Олеси: она просила выключить звук телефонов. Дверь прикрыли, и фойе стало просторным. Тамара часто любила именно эти сорок минут. Оставались тихие лампы над витринами, шорох дождя по навесу и вся не сделанная днём работа, которую можно было наконец закончить без очередного «извините, только спросить».

Она разобрала чеки, записала размен и набрала дочери сообщение про вареники. Внук оставил их у неё ещё в воскресенье. Дочь ответила фотографией: новые вареники уже

висели на батарее, мокрые и серые по краям.

«Я же сказала, завтра занесу».

«Мам, ребёнок не может ходить с обещанием на руках».

Тамара прочитала фразу дважды, рассердилась, потом засмеялась и отложила телефон. Варезки лежали дома на тумбочке, где она каждый вечер видела их и каждый раз решала, что утром точно не забудет.

В двадцать минут восьмого ей понадобилось зайти к администратору. Кассу она закрыла, ключ положила в карман жилета. За синей дверью негромко гудел фильм. Над голосом рассказчика возникал низкий протяжный звук — то ли музыка, то ли то, как представляли далёкое космическое событие авторы программы.

В коридоре никого не было.

Тамара прошла мимо туалетов. Одна дверь стояла открытой, уборщица Неля выжимала тряпку над ведром.

— Закончат скоро? — спросила она.

— Минут двадцать ещё.

— Тогда здесь домою. Только не пускайте их все разом по мокрому.

— Они тебя послушаются, как же.

Неля подняла ведро и осторожно переставила на сухую плитку. Тамара пошла дальше. Администратор разговаривал по телефону, показывая ей, что нужно подождать; пока он объяснял кому-то условия аренды, за стеной опять прокатился низкий звук. У Тамары задрожала в пальцах пластико-

вая папка. Она подумала, что в субботу надо привести внука: ему понравится, когда гудит всем телом.

***

После сеанса посетители выходили медленно. Девочка в розовой шапке не давала матери надеть ей капюшон и требовала объяснить, почему у звезды может кончиться топливо, если её никто не заправляет. За ней студенты спорили о том, что показывали на куполе. Один на ходу пытался растопырить пальцы обеих рук так, чтобы остальные поняли его мысль.

Женщина в зелёном плаще вышла, держа телефон в ладони, остановилась у витрины, затем убрала его в сумку. Высокий мужчина с чехлом придержал дверь пожилой посетительнице. Мужчина в сером пальто помог спутнице застегнуть маленькую пуговицу у воротника. Все занимались простыми вещами, на которые в темноте не хватало места или света.

Тамара смотрела поверх их голов. Она почему-то ждала мужчину, купившего весь ряд. Хотела увидеть, пойдут ли рядом с ним люди.

Поток редел. Показался Антон, оператор. Он вышел из маленькой аппаратной за залом, потирая переносицу, и спросил у Тамары, остался ли чай. Она сказала, что в чайнике только на дне, лучше вскипятить.

— Олесь, я на кухню, — крикнул он.

Из зала не ответили.

Антон остановился. Тамара тоже прислушалась. До них донёсся голос Олеси, сперва спокойный, потом чуть громче:

— Вы меня слышите?

Тамара положила ручку рядом с ведомостью и вышла из-за стойки.

Олеся стояла в пятом ряду, наклонившись над четвёртым креслом. Мужчина сидел полубоком, голову повернул к левому плечу. Рядом лежала куртка — на третьем кресле, свободно, рукавом к полу. Весь остальной ряд был пуст.

— Может, плохо стало, — сказала Олеся, увидев их. — Я сначала подумала, спит.

Антон быстро пошёл по боковому проходу к Олесе. В зале горел обычный свет. Звёзд над головой больше не было; купол казался просто высокой серой поверхностью, испещрённой почти невидимыми швами.

Тамара остановилась возле края ряда.

— Вы ему говорили? — спросила она и сама услышала бессмысленность своего вопроса.

Олеся протянула руку к мужчине, потом отдернула.

— Антон.

На тёмном пуловере сбоку было пятно. Сначала его можно было принять за тень от складки, но рядом на сиденье блестела узкая полоска, и Антон, наклонившись, сразу выпрямился.

— Звоните в скорую. Сейчас.

Тамара достала телефон. Пальцы перестали узнавать его края. Она нажала не туда, вернулась на главный экран и набрала номер, который знала без записи.

— Мужчина без сознания, — сказала она, когда ответили.

— Ярославль, центр «Круг». У нас планетарий. В зале.

Её попросили назвать адрес. Она назвала, потом повторила этаж, вход с улицы, синюю дверь в конце коридора. Антон говорил что-то Олеся тихо и быстро; Олеся слушала, прижав обе руки ко рту. Тамара включила громкую связь и подошла ближе, чтобы он мог отвечать на вопросы диспетчера.

Теперь она видела лицо мужчины. Не таким оно было у кассы, и дело было не только в неподвижности. Тамара вдруг поняла, что ещё несколько минут назад хотела спросить его, хорошо ли он провёл вечер.

За их спинами заглянула в зал Неля.

— Что у вас?

— Встречай скорую у входа, — сказал Антон, не поворачиваясь. — И администратора позови.

Неля исчезла. В коридоре раздались быстрые шаги, затем кто-то громко спросил, что случилось. Олеся пошла к двери, оставив Тамару с телефоном возле кресел.

На полу под третьим местом лежал белый прямоугольник. Один из билетов. Тамара заметила его, потому что знала собственный маленький надрыв у края: именно этот лист принтер потянул криво, и ей пришлось поправлять бумагу.

Седьмое место. Она могла разобрать цифру даже не наклоняясь.

Мужчина держал этот билет у стойки вместе с остальными. Олеся пропустила его по четвёртому. Куртка лежала на третьем кресле. Всё это было перед глазами, и всё казалось Тамаре очень важным; она только не понимала, что именно следовало сказать человеку, продолжавшему задавать вопросы из телефона.

— Я здесь, — ответила она.

В фойе уже никто не спорил о звёздах.

Глава 2. Свет в зале

Когда Евгения Северова приехала к «Кругу», у входа спорили из-за зонта.

Женщина утверждала, что оставила его в гардеробе. Молодой сотрудник полиции просил назвать цвет. Цвет она называла уже третий раз, но каждый раз прибавляла что-нибудь новое: клетка, деревянная ручка, не раскрывается до конца. За её спиной стоял мужчина без головного убора и мок под навесом, с которого капало ровно ему на плечо.

— Мы не можем домой пойти, пока он тут выясняет, — сказала женщина, заметив Северову. — Нас держат?

— Вы были на показе?

— Муж был. Я забираю.

Евгения показала удостоверение сотруднику, коротко уточнила, какие сведения уже получили от мужчины. Тот назвал себя и оставил номер телефона, но всё ещё не понимал, можно ли уехать. Ему объяснили, как с ним свяжутся. Зонт нашли на соседнем крючке, за детской курткой.

Женщина взяла его с такой обидой, словно он тоже виноват. Муж придержал ей дверь. На улице она сразу раскрыла зонт над обоими, и они вместе пошли к стоянке.

В фойе пахло мокрой одеждой и чем-то сладким из автомата. На стойке лежали две нетронутые конфеты. Одна была развёрнута; фантик расправили в маленький блестящий

квадрат.

Роман Суханов ждал возле витрины. При его росте стеклянные шары за плечом казались игрушечными.

— Зрители в основном разошлись до вызова, — сказал он.
— Кого успели застать, записываем отдельно. Сотрудников оставили здесь. Медики в зале.

— Кто обнаружил?

— Контролёр. Потом оператор, кассир. Девушка сейчас у администратора, её трясёт.

— С ней кто-нибудь есть?

— Уборщица. С водой. Пока действует лучше администратора.

Евгения сняла плащ, но не отдала его в гардероб. Положила на свободный стул у стены, запомнила место и пошла по коридору. Возле синей двери стоял Антон Белецкий. На его чёрной футболке была маленькая вышитая луна, совсем не похожая на то, что показывали здесь посетителям. Мужчина прижимал к боку сложенные ладони.

— Оператор? — спросила она.

Он кивнул.

— Мне сказали, вас пропустить. Я тут, чтобы никто...

— Хорошо. Оставайтесь пока снаружи. Позже поговорим.

— Я его трогал.

Евгения остановилась.

— Расскажите, где и что делали. Сейчас ничего не пытайтесь поправить или убрать.

Он посмотрел на руки, словно именно их мог сейчас убрать, и отступил к стене.

В зале горел свет. Купол давил гораздо сильнее, чем в тёмном коридоре: белёсая поверхность висела над креслами, не обещая ни глубины, ни расстояния. Человек, сидевший здесь впереди, хорошо видел бы всех, если бы обернулся. Человек в последнем ряду смотрел на семь рядов чужих затылков. Звёзды на время делали их равными; теперь у каждого снова было определённое место.

Врач уже закончил работу. Он сообщил Северове, что смерть констатирована, назвал время прибытия бригады и рассказал, что успели сделать до неё. Евгения выслушала, записала. Уточнила действия сотрудников центра: мужчину окликали, пытались привести в чувство, затем отвечали на вопросы диспетчера. Разговор шёл негромко, но каждое слово в пустом зале отзывалось отчётливо.

На четвёртом кресле пятого ряда оставалось тело. Положение после действий помощи было зафиксировано; отдельно предстояло восстановить первоначальное. На соседнем, третьем месте лежала светлая куртка. Евгения не касалась её. На полу виднелся билет, возле которого уже поставили обозначение.

Криминалист спросил, можно ли продолжать фотографировать с другой стороны. Она отошла, уступая проход.

— Кто-нибудь сидел рядом с ним? — спросила она Суханова.

— По словам кассира, весь ряд купил сам. Вошёл один.

Евгения посмотрела на свободные кресла. В тесном зале восемь мест составляли заметную полосу. Если люди пришли компанией и передумали, почему их билеты остались здесь? Если покупатель хотел смотреть один, зачем просил один ряд, а не зал? Суханов следил за её взглядом и не предлагал ответа.

— Список проданных мест нужен в исходном виде, — сказала она. — И вход, как считали. Показ пока больше не запускают.

— Администратор уже спрашивал про завтра.

— Пусть сперва разберёмся с сегодняшним.

За левым проходом, возле передней стены, стоял небольшой стул. На нём можно было положить сумку, подождать или сесть усталому сотруднику. Евгения спросила, кто его передвигал. Суханов уточнил у оператора; тот ответил, что стул всегда стоял там и зрителям на него садиться не разрешали. Ответ записали вместе с остальными пояснениями, не придавая ему особого значения.

Из куртки и одежды изымали вещи. Документ позволил назвать погибшего: Вадим Алексеевич Корнеев, пятьдесят четыре года. Бумажник, телефон, ключи. Пачка оставшихся билетов. Сложенная бумага с чертой. Ни записки для следствия, ни аккуратно оставленного объяснения.

Евгения переписала имя. Вадим Алексеевич. Ещё недавно он произнёс его кому-то или откликнулся на него. Теперь

ей предстояло найти человека, которому достаточно будет услышать фамилию, чтобы этот зал перестал быть чужим.

***

Олеся сидела в комнате администратора на краю дивана. Синий платок она сняла и скомкала в ладони. Неля держала стакан воды так, будто предлагала его не первый раз и уже приготовилась получить отказ.

— Я выпила, — сказала Олеся при появлении следователя. — Она всё подливает.

— Значит, перерыв, — сказала Евгения Неле. — Спасибо. Я попрошу вас подождать отдельно. Роман проводит.

Уборщица поставила стакан на стол. На Олеся посмотрела сердито и ласково одновременно.

— Не вставай резко. Ты в коридоре чуть не легла.

Когда дверь закрылась, девушка начала извиняться. За то, что ничего не заметила, за то, что посчитала мужчину спящим, за телефон, который успела взять после показа, прежде чем пошла между рядами. Евгения представилась и объяснила, зачем сейчас просит рассказать всё последовательно.

— Сначала вход. Что вы делали, пока посетители рассказывались?

Олеся провела большим пальцем по мокрому уголку платка.

— Проверяла билеты. Подсказывала, откуда пройти. Он

четвёртый был... Не четвёртый в очереди. У него четвёртое место.

— Я поняла. Что было дальше?

— Спросил про куртку. Я разрешила на соседнее. У него же всё куплено. Потом ещё проверяла. Там женщина не могла файл открыть, я ей сначала помогла, потом вернула телефон... Это до него было. Запуталась.

Евгения предложила начать с человека, которому разрешила оставить куртку. Не торопила, не возвращала ей уже названные детали в форме ответов.

— Он пошёл слева, — сказала Олеся. — Я ему показала. Дошёл до своего, снял куртку. Я тогда в дверях ещё стояла. Положил справа от себя. На сиденье, не повесил. Рукав убрал, чтобы не свисал вперёд.

— На каком месте?

— Пятое. Если он на четвёртом, справа пятое. У нас по всей ширине подряд. Я ещё подумала, что предупреждать не надо, он сам аккуратно. Другие на пол сбрасывают.

Евгения записала слова, затем попросила Олеся объяснить, что та понимает под правой стороной. Девушка показала собственной рукой: когда сидишь лицом вперёд. На чистом листе нарисовала восемь коротких чёрточек, обвела четвёртую и пятую. Схему датировали вместе с пояснением. О положении куртки после происшествия Евгения её ещё не спрашивала.

Олеся выпрямилась.

— Она же потом...

— К этому вернёмся. Сейчас кто ещё был рядом с ним перед началом?

Девушка перечислила тех, кого помнила: женщина с девочкой прошла дальше, человек с чехлом выбрал левый проход, женщина в зелёном вошла последней из тех, чьи билеты проверяла Олеся. Некоторые зрители тихо переговаривались. Мужчина в светлой куртке не вставал встречать целую компанию.

— Разговаривал с кем-нибудь?

— Я не видела. Мог, пока я к двери поворачивалась.

Она стиснула платок.

— Мне теперь всё кажется, что я должна вспомнить. Как будто посмотрю ещё и будет видно.

— Пока рассказывайте то, что помните сейчас.

— Я всё время на работу думаю. У нас правила, я должна следить. Я не сидела там весь сеанс.

Евгения спросила, где Олеся находилась. Девушка в начале постояла у заднего края, затем вышла, занималась переносом школьной группы, открывала служебную почту. Несколько раз проходила к залу; точного времени назвать не могла. Внутрь не заходила до окончания программы. Если кто-то выходил в туалет, он мог пройти по коридору, не попадаясь ей на глаза.

На словах об окончании Олеся перестала мять платок. Держала обеими руками натянутую полоску ткани.

— Свет включили. Я дверь открыла. Они выходили. Я говорила: вещи проверьте. Обычно кто-нибудь обязательно возвращается. Он сидел, голова вот так... Я подождала, пока остальные пройдут. Подошла: «Вы меня слышите?» Потом ещё спросила.

Евгения попросила показать, на каком расстоянии девушка остановилась и к чему прикоснулась. Олеся отвечала уже медленнее. Взяла мужчину за плечо, слегка потянула на себя, увидела пятно. Антон подошёл после её голоса. Тамара держала телефон. Дальнейшие действия девушка помнила обрывками, но не прятала этого; Евгения возвращала порядок короткими вопросами.

Когда закончили, платок лежал у Олеси на коленях ровным прямоугольником. Она разгладила его и вдруг спросила:

— Если бы я сразу к нему пошла, пока они выходили?

Евгения не ответила так быстро, как хотелось девушке.

— Время и состояние будут устанавливать. Сейчас я не могу сказать, что изменилось бы.

Олеся кивнула. Такой ответ ей не помог, зато не заставил спорить. Она потянулась за водой сама.

***

Тамара помнила карту лучше лица.

Не номер и не название банка: движение руки, короткую

задержку над терминалом, как покупатель сначала убрал бумагу. На просьбу описать его глаза она сердито сказала, что не торговала глазами. Евгения согласилась, и кассир смутилась.

— Я не вам грублю.

— Я услышала.

В кассе было тесно. Тамара показала место, где лежали восемь билетов, затем сняла со стола собственный рабочий блокнот, чтобы не перепутать его с подготовленными сотрудниками листами. На одной странице от руки было написано «варежки», и слово обведено дважды.

— Пожалуйста, сохраните пока всё, что связано с этим вечером, — сказала Евгения. — И исходные записи продажи.

— Я ничего не удаляла. Тут автоматом. Я только итог вывела, но вы сказали исходное, вот.

Она уступила место специалисту, который занимался сохранением нужных сведений, и встала рядом с Сухановым. Тот спросил о камере. Тамара показала на маленькое устройство над входом.

— Ещё есть?

— В зале нет. Вы видите, какие у нас цены. Люди думают, раз купол, у нас космическая станция.

Суханов посмотрел на неровный коврик под дверь.

— Станции обычно коврики лучше прибивают.

Тамара невольно усмехнулась, потом сразу стала серьёзной. Евгения попросила её рассказать разговор с покупате-

лем. Кассир повторила просьбу не пересаживать посторонних, собственный вопрос о компании и ответ у входа: если придут, он их увидит. Содержание телефонного разговора под навесом она не слышала.

— Он ждал, — сказала Тамара. — Это сразу было видно.

— Вы тогда решили, что нескольких человек?

— Я же восемь продала.

Она посмотрела на экран, где пятый ряд всё ещё оставался серым. Потом махнула рукой, раздражённая уже собой.

— Решила, да. Он не говорил «семеро». Это я за него.

Снаружи кто-то попытался открыть входную дверь. Сотрудник объяснил посетителю, что центр сегодня закрыт. Человек указывал на время работы, наклеенное на стекло, потом увидел людей в форме и быстро ушёл. Тамара следила за ним так, словно хотела предупредить: завтра надпись тоже может оказаться неправдой.

Пока она расписывалась под записанным рассказом, у Евгении завибрировал телефон. Дочь прислала фотографию резиновой тренировочной подушки для барабанных упражнений. Под ней лежало сложенное полотенце. «Бабушка говорит, снизу слышно. Я вообще тихо».

Евгения набрала: «Сегодня заканчивай. Завтра проверим сами». Стерла «завтра», написала «когда буду дома». Потом всё-таки отправила короткую просьбу закончить на вечер. Никакой проверки через сообщение она сейчас провести не могла.

Суханов подошёл с листом.

— Родные установлены. Дочь, Дарья. Есть адрес мастерской, по нему ещё работает. С женой в разводе.

— Дочери кто сообщает?

Они договорились о личном извещении и контакте. Евгения назвала необходимое, спросила, кто может быть рядом с молодой женщиной. Внезапно стало важно не оставить её после одного чужого звонка среди ночных улиц.

В зал вернулись, когда изъятые вещи уже были упакованы. Свернули и обычную бумажную схему: восемь кресел, жирная линия под пятым рядом. Край загнут, как описала Тамара. Евгения задержалась у последнего ряда, посмотрела на левый и правый проходы.

Сюда можно было прийти, сесть, подняться, пройти к другому человеку. Дверь открывалась. Люди не обязаны были знать имена соседей. Пока кто-то смотрел на купол, другой мог смотреть перед собой.

У двери её догнал администратор. Он хотел знать, что говорить школьной группе.

Евгения посмотрела на приготовленное им расписание. Утром в клетке стояло двадцать девять человек.

— Сообщите, что показ отменяется. Срок открытия мы сейчас не назовём.

Он кивнул, но остался рядом.

— Это было здесь? Не человека уже...

— Мы выясняем обстоятельства. Не предлагайте сотруд-

никам версии, пока они рассказывают, что видели.

Администратор опустил лист. Из дальнего конца коридора донёсся голос Тамары: она диктовала кому-то номер заказа и просила не ехать завтра с детьми.

Евгения взяла свой плащ. На стуле под ним осталась влажная полоса. Она провела пальцами по ткани спинки, убедилась, что не испортила чужую вещь, и пошла к выходу. В телефоне появился ответ Насти: «Убрала. Но она просто не любит, когда стучу».

У Суханова как раз зазвонило. Он отошёл на два шага, выслушал, посмотрел на Евгению.

— Нашли дочь. С ней тётя.

Она кивнула и застегнула плащ до самого горла.

Глава 3. Дочерин ключ

Верстак качался только тогда, когда Даша уже забывала, что он качается.

Она прижимала книгу, ставила на край коробку или пыталась аккуратно провести линию — и дальняя ножка отзывалась глухим стуком. Временно подложенный картон расплющился. Подкладывать ещё один слой казалось признанием, что временное устройство будет жить здесь дольше неё.

Даша присела на корточки, вытащила серую полосу. Пыль прилипла к пальцам.

— Ну вот, — сказала она верстаку. — Теперь ты совсем свободен.

На столе лежал семейный альбом. Заказчица просила заменить обложку, но сохранить всё внутри «как есть». Это означало, в частности, засохший лепесток между страницами, билет из кинотеатра и фотографию незнакомого мужчины, приклеенную поверх другого снимка. Даша по телефону уточнила, нужно ли открывать нижнее изображение. Женщина сказала нет так быстро, что она больше не спрашивала.

С людьми было проще, когда можно было обвести работу на листе: здесь трогать, здесь оставить.

Вечером она собиралась закончить подрезку материала для новой крышки. Отец обещал посмотреть верстак. Не то чтобы без него нельзя было сделать: Даша уже нашла чело-

века, который работал в соседней мастерской, и собиралась заплатить. Отец увидел фотографию, возмутился ценой, велел пока никого не вызывать. Сам приедет, у него всё есть.

Она посмотрела на часы. Семь тридцать восемь.

В сообщениях от Вадима Корнеева последним стояло: «Возьми длинные, маленькие не подойдут». Ниже Даша прислала фотографию двух упаковок крепежа и получила короткое «эти». Она помнила его голос, когда разговаривали днём, лучше точных слов. Обычный голос человека, у которого ещё три дела и который всё равно говорит, что разберётся.

Даша набрала: «Я пока здесь».

Поставила телефон возле прессов и занялась альбомом. В двадцать минут девятого открылась дверь, и в комнату боком вошла тётя Надежда с длинным пакетом.

— Ты ещё не умерла тут?

— Я трудолюбивая. Это другое.

— Возьми. Мне в магазине две штуки дали по цене одной.

Я одну съем, вторую буду ненавидеть.

В пакете был большой батон с семечками. Надежда вынула его, положила на свободный подоконник и только потом заметила кисти, банки и маленькие миски.

— У тебя вообще тут можно есть?

— На подоконнике можно. На альбоме нельзя.

— Хорошо, что предупредила. А то я уже собиралась прямо на свадебной фотографии.

Тётя сняла куртку. Она была младшей сестрой матери, и по тому, как обе женщины расправляли рукава, Даша с детства могла узнать их со спины. Во всём остальном они обращались с одеждой по-разному: мать аккуратно вешала, Надежда всегда искала, куда бросить так, чтобы не назвать это бросанием.

— Мама где? — спросила Даша.

— Не знаю. Дома должна быть. Я ей днём звонила.

— Она опять куда-то ездит.

— Ей пятьдесят один год. Пока разрешается.

— Я не в этом смысле.

Надежда посмотрела на стол, потом на качнувшийся под локтем край.

— А это у тебя аттракцион?

Даша рассказала про отца. Тётя достала телефон, проверила что-то, убрала.

— Может, забыл.

— Он не забывает.

— Ну да. Это же у вас семейная должность. Один не забывает, остальные потерпят.

Даша собиралась ответить, но Надежда уже потянулась к хлебу. Попросила нож, потом сама предложила не открывать клейкими руками и достала из сумки пакет с нарезанным сыром. Выяснилось, что акция в магазине была не единственной причиной её прихода. В субботу они собирались за город к знакомой, и Надежда хотела забрать термос, который

Даша позаимствовала летом.

— Он дома.

— Разумеется. Я почему-то надеялась, что ты пьёшь чай здесь.

— Пью. Из чужого.

— Чужое, вижу, у тебя под рукой.

Тётя улыбнулась, и Даша тоже. Они ели у окна, отламывая хлеб над пакетом. Снаружи проезжали машины, свет фар скользил по стене соседнего дома. В помещении было тепло; батарея включилась после дневного холода и теперь пахла нагретой пылью.

Когда в дверь постучали, Даша взяла кусок сыра в ладонь, чтобы не оставлять на подоконнике, и пошла открывать.

За дверью стояли двое. Мужчина показал удостоверение. Женщина спросила, Дарья ли она Вадимовна Корнеева.

Даша подумала о вывеске. На ней было написано только имя и «Переплёт». Значит, пришли не из-за вывески.

— Да.

— Можно войти?

Она отступила, всё ещё держа сыр.

***

Позже Даша не могла вспомнить первое предложение целиком. Запомнила фамилию отца и слово «погиб». Между ними были ещё слова, а после — объяснение, откуда пришли

и кто занимается случившимся. Надежда поставила стул. Даша не села.

— Где?

— В центре «Круг», в звёздном зале.

— Нет, он ко мне ехал.

Никто не стал с ней спорить. Это было хуже, чем если бы спорили.

Женщина повторила название. Сообщила то, что могли сообщить сейчас: обнаружен после показа, помощь не смогла вернуть его к жизни, обстоятельства смерти проверяет следователь. Назвала Евгению Северову. Уточнила, кого можно известить из близких.

Даша смотрела на удостоверение мужчины, хотя он уже убрал его.

— Вы сами видели?

— Личность установлена по документам. Следователь с вами свяжется. Мы приехали сообщить лично и...

— Документы можно потерять.

— Дашенька, — сказала Надежда.

— Можно. Правда можно. У него бумажник такой, что всё вываливается. Я говорила купить новый.

Она достала свой телефон. Сообщение «Я пока здесь» оставалось без ответа. Нажала на имя отца, вызов. Никто не отнял у неё аппарат. Гудки шли, и она с ужасом ждала, что сейчас из кармана кого-нибудь из пришедших зазвонит. Не зазвонило. Вызов закончился.

— Мне туда надо.

Мужчина объяснил, что сейчас в зале работают и она не сможет просто войти. Они предложили уточнить дальнейшие действия у следователя. Даша рассердилась на слово «дальнейшие». Оно было большим, не имело краёв. Ей требовалось только одно: открыть дверь и увидеть отца, который сердится, что все переполошились.

Надежда взяла у неё сыр. Даша только тогда заметила, что продолжает держать его. На ладони остался жирный след.

— Маме надо сказать, — произнесла она.

— Я позвоню, — ответила тётя.

— Нет, я.

— Хорошо. Сначала сядь.

Даша опустилась на стул. Ноги неожиданно оказались далеко, как будто ей дали чужой высокий табурет. Надежда положила телефон перед ней, но Даша уже не понимала, какой из аппаратов её. Потом увидела треснувший угол чехла и взяла правильный.

Мать ответила на втором гудке.

— Ты скоро? Я тебе оставила...

— Мам.

Людмила замолчала.

— Папа в планетарии, — сказала Даша. — Они говорят...

Голос не пропал. Она могла произнести всё. Не хотела. Если закончить предложение, мать узнает, а пока оно не закончено, где-то в городе ещё существует человек, который

ждёт отца на завтра.

Надежда присела перед ней.

— Дай мне на минуту.

Даша отдала. Тётя назвала сестру по имени. Два раза. Попросила сесть и слушать. Потом сказала то, чего Даша не сумела.

***

Закрывать мастерскую пришлось как обычно.

Книга оставалась под грузом, инструменты лежали на столе, крышка банки с клеем не была затянута. Даша ходила между ними, а Надежда собирала еду. Сотрудники подождали, пока они смогут выйти; оставили контакт, договорились о связи. Перед уходом женщина спросила, не нужна ли медицинская помощь. Даша покачала головой. Ей нужна была другая действительность, но этого не предлагали.

Она наклонилась над альбомом. На открытой странице молодая пара сидела на траве. Женщина улыбалась, мужчина смотрел в сторону, вытянув ноги. Под снимком рукой заказчицы было написано место, неразборчивое от времени.

— Не закрывай, пока не высохло, — сказала Даша тёте.

— Я не трогаю.

— Всё равно. Просто не закрывай.

Надежда кивнула.

Даша нашла чистую бумагу, прикрыла альбом от пыли,

выключила настольный свет. Отец недавно заменил в лампе провод и наклеил возле выключателя маленький кусок белой ленты. Сказал, что так она найдёт его на ощупь. Даша рассмеялась: она не работала в темноте. Ленту не сняла. Сейчас провела по ней пальцем и нажала.

— Клей забери, — сказала Надежда.

— Зачем?

— Ты смотрела на него. Я подумала...

— Не надо.

Отец должен был привезти немного клея, который оставался у него для переплётных работ. Не того, что стоял открытым, другого. Даша несколько раз объясняла разницу, он ответил: «Я не в первый раз». Она собиралась сказать ему сегодня, что знает. Не успела даже это глупое уточнение.

Верстак качнулся, когда она забрала сумку. Надежда удержала край.

— Подложить?

— Оставь.

Даша заперла дверь. Попыталась проверить ручку, не попала ладонью и ударилась костяшками о косяк. Тётя не взяла ключ, не сказала, что сделает сама. Подождала, пока племянница проверит замок второй раз.

Они ехали в такси молча. Водитель спросил, какая музыка им мешает; Надежда ответила, что никакая, потом попросила всё-таки выключить. Даша смотрела на навигатор, где маленькая машина двигалась по линии. Она знала этот путь

и всё равно следила, чтобы они не свернули не туда.

У дома мать не ждала внизу. От этого Даша испытала мгновенную злость: можно было хотя бы выйти. В следующую секунду представила, как Людмила стоит одна под дождём и не знает, кому поднимать руку. Хорошо, что не вышла. Ничего хорошего не было.

В подъезде пахло жареным луком. На втором этаже кто-то ругался с телевизором. Даша шла впереди, достав ключ заранее. Связка отца лежала теперь где-то у людей, которых она не знала. Этот её собственный ключ он тоже когда-то проверял: новый замок поставили, когда Даша купила квартиру, и отец добился, чтобы все запасные экземпляры попробовали при нём.

— Ты не забудь, у меня второго нет, — сказала Надежда за спиной.

— Я знаю.

Мать открыла изнутри, прежде чем Даша вставила ключ.

***

Людмила была в домашнем свитере, который Даша видела утром. Значит, успела переодеться. Эта ненужная подробность оказалась почти оскорбительной. Отец умер, а мать успела снять уличную одежду, надеть свитер, поставить у двери свои ботинки.

Людмила протянула руки. Даша шагнула к ней, и они об-

нялись так крепко, что сумка оказалась зажата между ними. Мать пыталась снять её с дочериного плеча, не разжимая объятия; Надежда подошла и помогла.

— Ты его видела? — спросила Людмила.

Даша покачала головой, не отрывая лица от её плеча.

— Сказали, нельзя. Потом скажут.

— Хорошо.

— Не хорошо.

— Да. Не хорошо.

Мать гладила её по спине. Даша слушала знакомое дыхание и ненавидела себя за то, что ей легче от этих рук. Ещё утром она была раздражена маминым чемоданом, стоящим у шкафа: нельзя постоянно жить как в ожидании отъезда. Людмила уже полгода находилась у дочери, а чемодан всё время будто напоминал, что это не её дом.

Отец остался в прежней квартире. Сначала Даша думала, что мать вернётся через неделю. Потом отец перестал спрашивать, когда. Они научились обсуждать всё остальное: мастерскую, покупки, боли в пояснице, кино. Развод оформился между этими разговорами и не отменил привычки считать их одной семьёй.

Надежда прошла на кухню. Достала стаканы, нашла воду. Даша сняла обувь, не расстёгивая молнии, и оставила ботинки посреди прихожей. Мать наклонилась переставить, потом выпрямилась, словно забыла зачем.

— Он должен был приехать ко мне, — сказала Даша.

Людмила посмотрела на неё.

— Сегодня?

— Да. Верстак посмотреть. Я ждала.

Мать провела ладонью по волосам у виска.

— Он говорил, что у тебя стол...

— Не стол. Верстак. Какая разница. Почему он туда пошёл?

Надежда вернулась из кухни.

— Даша, сейчас ещё ничего не понятно.

— Я не у тебя спрашиваю.

Тётя отступила. Мать смотрела в пол, затем подняла глаза.

— Мы поговорим. Мне сначала нужно самой понять, что произошло.

Даша почувствовала, что мать знает что-то ещё. Не улику, не то, что могли сообщить полицейские, а какую-то часть папиного дня, которой у неё не было. Хотела спросить сразу, но телефон в сумке зазвонил.

Номер был незнакомый. Даша ответила, прижав аппарат к уху обеими руками.

Женщина назвалась Евгенией Северовой. Говорила спокойно, не пытаясь придать голосу особую мягкость. Подтвердила известие, спросила, есть ли кто-нибудь рядом. Объяснила ближайшие необходимые действия, предложила завтра встретиться и договорилась о времени. Даша записывала на обороте рекламного листа, который Надежда нашла возле телефона. На лицевой стороне обещали скидку на остекле-

ние балкона.

— Он не собирался туда, — сказала она, когда Северова спросила о последнем разговоре.

— Вы расскажете, на чём это основано. Сейчас сохраните переписку и сообщения. Ничего не исправляйте, даже если кажется ненужным.

— Я не исправляю.

— Хорошо. Завтра мы посмотрим вместе то, что вы готовы показать и что относится к вечеру.

Даша спросила, был ли отец один. После короткой паузы следователь ответила: в момент обнаружения рядом с ним никого не было. О числе билетов не сказала. Даша ещё раз записала время встречи, хотя уже написала выше.

Когда разговор кончился, Надежда попросила показать лист: хотела понять, когда заехать. Даша положила его на тумбочку.

— Я сама доберусь.

— Я не предлагаю не добаться. Я предлагаю поехать вместе.

Она не ответила. Прошла к себе, села на постель, потом легла, не раздеваясь. Из кухни доносились голоса матери и тёти. Они обсуждали, кому позвонить, кто ещё не знает. Несколько раз Надежда произнесла имя Вадима так же, как всегда. Даша каждый раз поднимала голову.

На телефоне появилось уведомление от заказчицы альбома: женщина спрашивала, можно ли забрать в субботу. Да-

ша открыла сообщение, написала «Да», посмотрела и стёрла. Ответила, что свяжется завтра.

Мать вошла с пледом. Даша подвинула ноги, освобождая край кровати. Людмила села. Они не говорили. Через некоторое время Даша подняла телефон и показала ей последнее отправленное отцу сообщение.

— Вот, — сказала она. — Я пока здесь.

Мать прочла. Положила ладонь на одеяло возле её колена. Даша выключила экран, но телефон из руки не выпустила.

Глава 4. Люди по местам

Утром Олеся привезла в центр яблоки.

Она должна была отвезти их матери ещё вчера. В пакете лежали три крупных, с тёмными боками, и одно маленькое, которое девушка всё время теряла среди вещей. Пока ждала Северову, достала его и положила на стойку. Тамара велела убрать: посетители подумают, что у них угощение. Потом вспомнила, что посетителей сегодня не будет.

— Всё равно убери. Здесь бумаги.

Олеся вернула яблоко в пакет. Обе женщины говорили негромко, хотя зал находился в другом конце коридора. Евгения заметила это, когда вошла, и решила начать с комнаты, где можно было закрыть дверь.

Вчерашние краткие рассказы предстояло уточнить отдельно. Тамара уже собиралась сесть рядом с Олесей, но Суханов попросил её пока помочь специалисту с сохранёнными продажами. Кассир ушла сердито: ей хотелось защитить девушку от второго вечера, который ещё не кончился после первого.

Олеся заметила, как Северова смотрит на пакет.

— Это маме. Я не вам принесла.

— Понимаю.

— Просто чтобы не подумали.

Евгения предложила поставить пакет возле дивана. На

столе лежала вчерашняя нарисованная схема. Девушка прочла свою запись о куртке, подтвердила её и сразу отодвинула лист, словно опасалась, что теперь все остальные вещи придётся размещать вокруг одного известного пятна.

— Давайте разберём вход, — сказала Северова. — Чем вы отмечаете прошедших?

Олеся достала служебный аппарат. Объяснила, как считается код и что происходит, если человек не может открыть билет. Вчерашней пожилой посетительнице помогла найти сохранённый файл. Бумажный билет мужчины из пятого ряда провела по обычному порядку. Остальные семь он не подавал.

На стол перенесли выгрузку за вечер. Тамара принесла её и снова попыталась остаться, но Евгения попросила подождать снаружи.

— Я только объяснить...

— Олеся объяснит свою работу. Вашу продажу отдельно сопоставим.

Кассир выдохнула и закрыла дверь.

В перечне было сорок шесть проданных мест. Олеся провела ногтем по строкам, затем включила другой экран: тридцать девять использованных кодов. Евгения попросила показать не итоговую цифру, а разницу. Девушка сначала отсчитала семь строк, потом поняла, что все они относятся к одной покупке.

— Вот, — сказала она. — Пятый ряд. Кроме четвёртого.

— Возвраты или отменённые заказы сюда попали?

— Сейчас посмотрю отдельно. Не должны.

Она проверила. Суханов стоял возле двери и молчал, пока девушка сама сопоставляла страницы. Семь мест не были отменены: они оставались оплаченными и неиспользованными. В других рядах проданные билеты прошли контроль.

— То есть людей не сорок шесть, — сказала Олеся. — Я вчера администратору сказала, что сорок шесть.

— Вы сказали ему о проданных местах?

— Да. А он записал «зрителей».

Евгения попросила сохранить и эту запись. Её не стали переправлять поверх прежней. На новом листе Олеся разделила продажи и вход.

— Кто-нибудь мог пройти вместе с другим, не предъявляя своего?

Девушка подняла голову.

— Я проверяю каждого.

— А вчера?

Олеся снова посмотрела на список. У неё была понятная работа, и в этой комнате она постепенно превращалась в чужое сомнение.

— Вчера тоже. Ребёнка на руках не было. С девочкой женщина шла, у обеих билеты. Студенты по очереди показывали. Одного попросила вернуться: он думал, его друг уже за двоих показал. Потом сам достал.

Евгения записала этот эпизод и попросила по возможно-

сти описать молодого человека. Не потому, что он сделался подозреваемым: его ещё нужно было найти среди тех, кто теперь вспоминал вечер из собственных квартир.

Олеся рассказала и о местах. Четвёртое кресло пятого ряда легко было увидеть от задней двери, пока свет оставался обычным. Потом она стояла у стены, произносила просьбу выключить звук и не пересаживаться. Не считала лица заново. Когда выходила, в пятом ряду сидел один мужчина.

— Вы видели весь ряд в этот момент?

— Да. Посмотрела специально. Тамара просила. Ему не помешали.

Она сказала последние слова и прикусила губу. Евгения дала ей время, затем вернулась к другим зрителям.

***

Антон Белецкий принёс на встречу два листа с описанием программы. На одном печатными буквами было написано «ДАЛЬНИЙ СВЕТ», другой он исписал сам: последовательность частей, где изображение светлее, где музыка громче. Вверху стояло «42 минуты».

— Я ночью вспомнил, что можно проверить звук, — сказал он. — Не всю программу. Только тот участок.

— Какой именно участок вы считаете нужным?

Оператор замолчал.

— Ну... когда это случилось.

— Вы знаете, когда?

Он покачал головой. Потом сел, положив листы так, чтобы не закрывать названия.

Евгения поблагодарила за подготовленные сведения. Попросила рассказать его собственный вечер, начиная с запуска. Антон описывал работу легко, пока речь шла о проверке оборудования. Голос становился медленнее возле каждого момента, где он мог оказаться человеком, не заметившим чего-то важного.

Программа шла без остановок. Он находился в аппаратной, следил за изображением, проверял уровень звука. В коридор не выходил. Сквозь дверь слышал отдельные движения, не мог назвать, чьи. Внутри зала его в это время не было.

— У вас есть изображение зрителей на экране?

— Нет. Только состояние системы. Я не вижу, кто зевает. И не слышу каждый разговор.

— Что слышали вчера?

— Один раз стук. В начале? Или после первой части. Я подумал, сумка упала. Он не был такой, чтобы бежать.

— Откуда?

Антон указал рукой в сторону зала и тут же убрал её.

— Из-за стены. Точнее не скажу. Если сейчас дам ряд, я его придумаю.

Северова попросила описать сам звук. Короткий, негромкий. Крика оператор не слышал. Он наклонился к столу и спросил, не мог ли кого-то не услышать из-за наушников.

— Вы были в них?

— Недолго. В самом начале проверял. Потом снял. У меня голова от них к концу смены болит.

Антон придвинул к ней листы с описанием программы.

Суханов вышел с ним к аппаратной. Евгения присоединилась после разговора с администратором. Оператор показал дверь, рабочее место, сохранённую программу. На краю стола стояла кружка с засохшим чайным ободком. Рядом лежала упаковка печенья, раскрытая с двух сторон.

— Кто-то ещё сюда заходил?

— Днём Олеся. Вечером никто. Я обычно не запираю, пока здесь.

Суханов попросил не включать показ и ничего не менять в сохранённых файлах. Нужные сведения фиксировали установленным порядком; Антон показывал, что требовалось, и то и дело начинал объяснять лишнее, чтобы занять паузу.

— Мне понравилась эта программа, — сказал он вдруг.

— Когда только привезли. Я думал, людям легче слушать, если не всё подряд цифрами.

Евгения посмотрела на лист с его пометками.

— А теперь?

— Не знаю. Сейчас любой звук там будет этот.

Он не договорил. Суханов отступил от рабочего стола, чтобы Антон мог забрать свою чашку.

Неля не хотела идти в кабинет. У неё оставались ещё два этажа в соседнем здании, и она боялась, что вместо разговора снова просидит до ночи. Северова объяснила, сколько ближайшего времени требуется, и предложила предупредить работодателя. Неля сама позвонила. Говорила коротко: «Нет, я не гуляю. Да, опять. Я потом перезвоню».

Пока записывали её данные, Неля сняла с запястья резинку для волос и снова собрала выбившуюся прядь.

Она начала со вчерашнего ведра.

— Его трогали потом. Я оставила на сухом, а оно у двери оказалось. Это не я проход загородила.

Евгения спросила, кто мог передвинуть.

— Да кто угодно из своих. Когда забегали. Я тогда у входа стояла, скорую встречала.

Выяснилось, что Неля не наблюдала коридор непрерывно. Заходила в туалеты, полоскала тряпку, относила принадлежности в хозяйственную комнату. Тамара проходила мимо и сказала, что до конца около двадцати минут. Женщину в коридоре Неля помнила — та постояла у стены, потом пошла к туалету. Описала светлые волосы, тёмную одежду и то, как женщина держала ладонь возле горла.

— Вы с ней разговаривали?

— Сказала, где сухо. Она кивнула.

— Куда пошла потом?

— К двери. К синей. Я только поворот видела, дальше сама в туалет зашла.

Евгения не показывала Неле фотографии других зрителей, пока та не закончила первоначальное описание. Неля обрадовалась, что от неё не требуют немедленно вспомнить лицо, и добавила сама:

— Не девочка. Женщина. Может, лет сорок. Я в возрасте плохо угадываю. Вы вот мне сколько дадите?

Северова улыбнулась.

— Вы уже назвали дату рождения.

— А, точно. Тогда нечестно спрашивать.

Неля впервые за утро расправила плечи. Потом вспомнила про ведро и снова нахмурилась.

— Если кто-то пробежал, я могла не видеть. Только никто не бегал, пока я смотрела.

Евгения записала эту простую разницу без дальнейшего спора.

***

Зинаида Фролова пришла сама. На телефоне у неё опять не открывался билет, и она рассердилась ещё до того, как села.

— Вчера было. Мне девушка всё нашла. Теперь опять картинка с котом.

— Пока телефон не нужен, — сказала Евгения. — Сначала расскажите, где сидели.

— Шестой ряд, второе место. Я люблю ближе к проходу, но крайнее уже взяли. Думала, если шея затечёт, хоть подвигаться можно.

Она подробно рассказала, как выбирала показ. Её внучка рекомендовала другой, более короткий; Зинаида решила, что справится с сорока двумя минутами, и не хотела теперь слышать, что следовало остаться дома. Северова не собиралась этого говорить.

— Мужчину впереди вы заметили до начала?

— Конечно. Такой ряд пустой. Я подумала, не продали. У нас в театре бывает.

— На каком месте он сидел?

— Ближе к середине. Слева от меня, если я на него смотрела... Нет. Погодите.

Она попыталась повернуть кресло, на котором сидела сейчас, но оно упёрлось в стену. Евгения дала чистый лист. Зинаида попросила карандаш: ручкой нельзя стирать.

Рисунок получился большим. Женщина обозначила своё место, соседние ряды, затем обвела кресло погибшего. Четвёртое. До начала мужчина снял куртку, но на какой стороне положил, Зинаида не запомнила. Она сама в это время укладывала сумку под ноги и следила, чтобы сосед не наступил на длинный ремень.

— Во время показа кто-то подходил к нему?

— Двигались люди. Не могу сказать, что к нему. Сначала девочка шевелилась впереди, мама ей что-то говорила. Потом с другой стороны кто-то встал. Я голову не поворачивала до конца, шея.

— С какой стороны?

Зинаида коснулась правого края рисунка.

— Там. Когда уже звёзды были. Но они там почти всё время были, да? Значит, я вам ничего не сказала.

— Вы сказали, куда смотрели. Дальше?

Она помнила тёмную фигуру сбоку, не помнила лицо и не была уверена, мужчина это или женщина. Когда снова посмотрела вперёд, купол светился ярче. Зинаида следила за большой белой полосой и пыталась понять, где именно в ней находится Земля. Чужие передвижения не казались ей причиной пропустить объяснение.

После света она увидела куртку на кресле и наклонённую голову мужчины. Решила, что тот дремлет. Вышла, разговаривая с человеком, который помог ей у двери. У него был длинный чехол. Они обменялись двумя фразами о дожде. Его имени она не спросила.

— В газете напишут, что я прошла мимо? — спросила Зинаида.

— Кто-нибудь уже обращался к вам?

— Нет. Я сама представляю.

Евгения попросила не обсуждать детали с другими зрителями до отдельных разговоров. Зинаида пообещала, но за-

метила, что с ней никто из них и не знаком. На выходе спросила, когда можно будет снова купить билет.

— Вы хотите вернуться?

— Я не досмотрела, получается. Смотрела, но теперь ничего не помню. Это не на завтра я. Вообще.

Северова сказала, что решение об открытии объявит центр. Зинаида надела очки и наконец нашла билет. На экране действительно был код, а не кот. Она показала его с победным видом, и Евгения позвала сотрудника, чтобы сохранить необходимые сведения.

***

К полудню на столе лежало несколько схем. На одних люди рисовали вход внизу, на других — сверху. Если повернуть лист, правая сторона менялась; человек, сидевший напротив, мог уверенно указать не тот проход.

Евгения попросила Суханова принести большой чистый лист. Они нанесли на него только устройство зала и достоверно названные места. В восьми рядах нашлось место всем объяснениям, но ни одно ещё не заняло своё окончательно.

Пятый ряд отметили отдельно. Одно использованное место, семь билетов без входа. На рисунке Олеси куртка лежала справа. На фотографиях после обнаружения — слева. Евгения не соединяла эти две точки стрелкой, пока не было понятно, кто и когда менял положение вещей.

— Мог сам переложить, — сказал Суханов.

— Мог.

— И кто-то мог сесть.

Она кивнула.

— Нам нужны оба вопроса. Без выбора удобного заранее.

Суханов подписал лист и отложил. Следующим делом было возвращение к живым людям: кто сидел по проданным местам, кто из знакомых Корнеева оказался среди них, кому он звонил до входа. Девять фамилий оставались пока неподтверждёнными, часть покупателей приобретала сразу несколько билетов. Ни один итог на экране не сообщал, о чём эти люди думали в темноте.

За дверью Тамара договаривалась с рассерженным родителем о возврате за детскую группу. Олеся стояла рядом, поставив пакет яблок у ног. Она уже могла уехать, но всё не уходила.

Евгения открыла дверь.

— Вы кому их везли?

— Маме.

— Она знает, что вы здесь?

— Знает. Ждёт.

Олеся посмотрела на пакет, подняла его с пола и пошла за курткой.

Глава 5. После разговора

Утром Даша обнаружила на кухне три чайные ложки в одной чашке.

Надежда осталась ночевать. Встала раньше всех, заварила чай, потом передумала и сделала кофе. Мать пришла следом со своей чашкой. Каждая оставляла ложку там, где было свободно, и к восьми часам маленькая посуда оказалась единственным местом в квартире, где что-то собралось вместе.

Даша вытащила ложки, положила в мойку. Одна звякнула слишком громко. Она вздрогнула и рассердилась: неужели теперь придётся всё время обращаться с предметами тише.

Надежда спросила, во сколько выезжать. Даша назвала время и только после этого поняла, что согласилась ехать с тётей. Возражать стало бы отдельным делом, а у неё не было сил на отдельные дела.

Мать сидела у окна с телефоном. Смотрела не на экран, а в стекло. На кухонной батарее лежали влажные перчатки, в которых Людмила вернулась вчера. Даша не помнила, когда их заметила. Она успевала запомнить всё ненужное.

— Ты с нами? — спросила она.

— Меня отдельно примут. Я договорилась по телефону.

— Почему отдельно?

Людмила посмотрела на неё.

— Потому что я буду рассказывать о своём разговоре с

папой. А ты о своём.

— У тебя тоже был?

Мать положила телефон на стол.

— Да. Он приглашал меня встретиться. Вчера я сказала, что не приду.

Надежда повернулась от плиты, где грелась вода. Даша смотрела только на мать.

— Там? В «Круге»?

— Да.

— А ты вчера ничего не сказала.

— Я хотела тебе сказать. Ты разговаривала со следователем, потом легла. Я сама ещё...

Мать замолчала. Даша ненавидела эти недоговорённые фразы за то, что могла закончить их как угодно.

— Он тебя ждал?

— Он знал, что я не приеду.

— Ты же сказала, приглашал.

— Приглашал. Потом я отказалась.

Людмила ответила без раздражения, но слишком отчётливо. Как переводила трудное предложение, где нельзя переставить слова, чтобы оно стало приятнее.

— Почему?

Надежда выключила плиту. Вода ещё не вскипела.

— Даша, вы сначала поешьте.

— Я спросила почему.

— Я не захотела этой встречи, — сказала мать. — Сегодня

я не смогу объяснить тебе всё сразу.

Даша поднялась. Стул задел стену. Она пошла в комнату за сумкой, хотя до выхода оставалось почти сорок минут. Мать не побежала следом. Это показалось очередным отказом.

В комнате на стуле лежала вчерашняя одежда. Даша взяла чистую рубашку, стала застёгивать и сбилась на третьей пуговице. Отец однажды засмеялся, увидев её в детстве с перекошенной застёжкой: «Ты главное нижнюю проверь. Сверху все умеют». Она до сих пор начинала именно снизу и сейчас почему-то поступила иначе.

Мать постучала в косяк.

— Тебе помочь?

— Нет.

Людмила осталась у двери.

— Я не скрывала от него, что не поеду. Пожалуйста, это хотя бы услышь.

Даша застегнула последнюю пуговицу. На этот раз правильно.

— Я услышала.

Но матери было видно, что она уже успела составить другой вечер: отец приходит, ждёт, остаётся один. В этом вечере можно было найти виноватого раньше следователя.

***

Евгения Северова приняла её после полудня. Надежда осталась в коридоре, пообещав не уходить. Даша заранее решила отвечать коротко и ничего не спрашивать, пока сама не расскажет всё важное.

Решение продержалось до первого вопроса о самочувствии.

— Вы уже знаете, кто это сделал?

— Пока нет.

— А как он умер?

— У вашего отца обнаружено смертельное ранение острым предметом. Предположительно ножом. Сейчас мы выясняем обстоятельства убийства.

Даша сжала колени, чтобы они не дрожали.

— У него были сердце и давление. То есть давление иногда. Может...

— Ранение было нанесено другим человеком, — сказала Северова. — Болезнь сердца этого не объясняет.

Даша попросила повторить. Второй раз слова не сделались другими.

На столе перед следователем лежала папка. Даша всё время смотрела на неё, пытаясь понять, есть ли внутри фотография отца. Евгения заметила и передвинула папку к себе, освободив место для её телефона.

Прежде чем начать подробный разговор, разъяснила права и порядок. Даша выслушала. Спросила, нужно ли ей кого-нибудь приглашать. Северова объяснила возможное участие адвоката и дала время решить. Даша сказала, что сейчас готова рассказать сама.

— Вы вчера сообщили, что отец не собирался в центр. Откуда вам это известно?

— Он обещал приехать ко мне. В мастерскую.

— Как договорились?

— Я ему позвонила. Сказала, что верстак... Там ножка, неважно. Он видел на фотографии.

— Во сколько собирался приехать?

Даша открыла переписку. Здесь были крепёж, фотография двух упаковок, её вечернее сообщение. Время приезда не было написано. Она стала листать выше, хотя знала, что разговор состоялся по телефону.

— После работы. Я до девяти могла его ждать.

— Он назвал девять?

— Нет. Я могла.

Северова подождала, пока Даша перестанет листать.

— Что именно он сказал?

Даша посмотрела на свои пальцы. На коже возле ногтя белел засохший клей, который она не заметила утром. Стала снимать, потом остановилась.

— «Постараюсь сегодня вырваться». По-моему, так. И про крепёж.

— Если не получится, договорились созвониться?

— Нет. Я сказала, что буду здесь. Он сказал: хорошо.

Евгения записала. Даша захотела поправить её: отец соби-
рался, он не был человеком, который просто обещает из веж-
ливости. Но следователь не писала ничего про вежливость.

— Он бы позвонил, — сказала Даша.

— Обычно предупреждал?

— Да. Когда опаздывал. Или уже по дороге.

— Тогда расскажите об обычном порядке и отдельно —
что произошло вчера.

В ответе не было сочувственного «вы всё правильно
помните», которого ей хотелось. Пришлось самой разделить
ожидание и слова отца. Даша почувствовала себя человеком,
который пришёл защищать его и вместо этого уменьшил
единственное доказательство, что ему не следовало быть в
том зале.

Она показала нужную переписку. Порядок её получения
и фиксации обсудили отдельно. Северова не взяла телефон
с предложением прочесть вообще всё; спросила о контактах,
связанных с работой и последним днём. Даша назвала Яну
Осокину, с которой отец вёл занятия для взрослых. Вспом-
нила Кирилла Трофимова, бывшего ученика. Он иногда при-
ходил в общую мастерскую, помогал или выполнял свои за-
казы. Ещё Сергей Дёмин, старый друг.

— С Яной они ссорились? — спросила Евгения.

— Спорили. Она всё считает.

Северова подняла глаза.

— Что считает?

— Деньги. Сколько кто пришёл, сколько материалы стоят.

Папе важнее было, чтобы люди делали.

Произнесённое вслух показалось Даше детским. Мастерская не могла существовать без денег, её собственная тоже. Но рядом с отцом Яна всегда казалась человеком, который приходит выключить свет раньше конца занятия.

— У вас сохранилось что-нибудь о конкретном споре?

— Надо посмотреть. Она мне писала неделю назад. Прогнала поговорить с ним.

Даша нашла сообщение, увидела начало и поторопилась закрыть: «Пусть твой отец перестанет обещать людям за мой счёт». Ей не хотелось показывать это чужому человеку. Не потому, что оно доказывало чью-то вину. Потому что отец не мог теперь ответить.

— Я нашла, — сказала она после паузы. — Только это было до... Не вчера.

— Уточним дату.

Даша снова открыла сообщение.

***

Надежда ждала на том же месте. У неё появился бумажный стаканчик, а возле ног стоял пакет с водой и печеньем. Даша не спрашивала, откуда. Тётя умела сходить в магазин

так, чтобы потом утверждать, что никуда не уходила.

— Поехали? — спросила Надежда.

Даша кивнула, затем остановилась.

— Я сказала про Яну.

— Что про неё?

— Что они ссорились.

— Так ссорились же?

— Но не из-за этого умирают.

Тётя подняла пакет.

— Давай сначала выйдем. Здесь от батареи голова кипит.

Они спустились на улицу. Дождя не было, но воздух оставался сырым. На стоянке водитель с открытым капотом разговаривал по телефону и сердился на того, кто советовал ему что-то проверить. Надежда предложила поехать в маленьком кафе через дорогу. Даша хотела отказаться, но обнаружила, что голодна.

В кафе было тесно. За соседним столом две женщины обсуждали работу так громко, что Даше хотелось попросить их замолчать. Потом одна из них подавилась чаем, другая стала хлопать её по спине, и обе засмеялись. Даша отвернулась.

Надежда заказала суп. Даша — булочку и воду.

— Мама мне не всё говорит, — сказала она.

— А тебе нужно сейчас всё?

— Он умер.

Тётя положила ложку.

— Я слышу, Даша.

— Они были вместе тридцать лет. Нельзя просто не приехать.

— Можно не приехать на встречу. Нельзя убить человека. Ты сейчас поставила рядом вещи, между которыми ещё кто-то был.

Даша посмотрела на неё с такой злостью, что Надежда отвела глаза. Суп начал остывать.

— Я не сказала, что она убила.

— Я знаю. Только ты весь день к ней идёшь с этим лицом.

Даша разломилла булочку. Начинка прилипла к пальцам. Она стала вытирать их слишком тщательно, пока бумага не порвалась.

— Он не обещал точно, — сказала наконец. — Приехать ко мне. Я там поняла. Я вообще, получается, его придумала на весь вечер.

Надежда не ответила сразу. Подвинула к ней другую салфетку.

— Ты ждала отца. Это не преступление.

— Мама тоже скажет, что ничего не обещала.

— Может, потому что не обещала.

Даша посмотрела в окно. Через дорогу всё ещё стоял мужчина с открытым капотом. Теперь к нему подошёл другой, заглянул внутрь, отступил и пожал плечами. Оба закурили.

Она захотела выйти и сказать, чтобы они делали хоть что-нибудь. Потом подумала, что они, возможно, уже сделали всё, что умели.

Северова осталась за столом после ухода Дарьи. На бумаге было несколько реальных конфликтов и одна ошибочно твёрдая договорённость. Дочери хотелось вернуть отцу обычный четверг, в котором он чинил верстак, привозил клей и сердился на неверный крепёж. В этом желании было больше жизни, чем в аккуратном перечне последних звонков.

Евгения позвала Суханова. Передала контакты Яны и Кирилла, уточнила, удалось ли установить покупателей соседних рядов. В списке оказался Сергей Дёмин. Старый приятель погибшего и один из двух посетителей, которых кассир запомнила у витрины. Сам уже позвонил, оставил данные, сообщил, что был на показе с коллегой.

— Я свяжусь с ним, — сказала Евгения. — И с женщиной отдельно.

Суханов положил на стол ещё один лист. Бережной Илья, четвёртый ряд, второе место. Вадима знал по прежней школьной работе. В интернете уже пересылали их спор, но ссылка вела к чужому пересказу. Нужно было получить исходное выступление и поговорить с участниками, а не принимать чужое название «скандал» за содержание.

Евгения посмотрела на часы. С утра она несколько раз собиралась съесть яблоко, которое принесла из дома, и каждый

раз забывала достать. Теперь оно лежало в сумке возле телефона, помятое ключами.

Настя прислала голосовое. Евгения вышла в пустой коридор и приложила аппарат к уху. Дочь объясняла, что бабушка хочет вынести из старой комнаты шкаф, а её коробки поставила туда, где должен стоять стул. В середине сообщения раздался женский голос: «Я никуда не поставила, я попросила убрать». Настя ответила уже не матери: «Я записываю!»

Евгения прослушала до конца. Позвонила сама. Попросила сегодня ничего тяжёлого не передвигать, договорилась вернуться поздно и посмотреть комнату в выходной. Мать сказала, что может дождаться, только нельзя всякий раз обещать, будто это случится между двумя звонками.

— Не между двумя, — ответила Евгения. — В воскресенье утром. Я приеду и останусь.

— Ладно. Сама запиши.

Она записала в календарь. Потом вернулась в кабинет и открыла следующий лист.

У погибшего был телефон. В нём могли оставаться приглашения, отказ, обычные разговоры о еде и работе. Доступ к этому предстояло получить и оформить как положено; Евгения не собиралась строить версию по вырванному уведомлению. Людмилу уже назначили на отдельную встречу. Пока следователь знала лишь от дочери и краткого разговора с самой женщиной, что бывшие супруги говорили вечером и встреча не состоялась.

За окном кто-то долго пытался припарковаться. Машина подавалась назад, возвращалась, наконец встала криво и погасила фары. Евгения придвинула к себе схему зала. От неё требовалось сделать то, что на бумаге выглядело простым: вернуть каждому человеку его собственный вечер, а затем увидеть, где эти вечера пересеклись.

Глава 6. Друг семьи

Сергей привёз две бутылки воды, пакет мандаринов и папку с пустыми прозрачными карманами. Папка понравилась Даше меньше всего.

Он не стал обнимать её в дверях. Поставил пакеты, снял серое пальто, повесил на свободный крючок и только тогда подошёл. Даша уткнулась ему в плечо. От рубашки пахло стиральным порошком и немного улицей. Она знала этот запах с тех лет, когда Сергей приезжал помогать отцу с ремонтом: мужчины сначала долго спорили над разобранной вещью, потом вдруг начинали действовать вместе, без слов, и ей нравилось смотреть.

— Садись, — сказал он. — Я воды налью.

— У нас есть вода.

— Значит, будет ещё.

Он понёс бутылки на кухню. Папка осталась на тумбочке, где обычно лежали квитанции. Надежда уже уехала домой за вещами, обещав вернуться вечером. Людмила разговаривала в комнате по телефону. Даша слышала её ровный голос, отдельные слова о сроке перевода, о том, что сегодня она не сможет. Кто-то на другом конце продолжал обсуждать работу. Мать продолжала отвечать.

Сергей достал из пакета мандарины, один покатился под стол. Он нагнулся, поймал. Даша вдруг вспомнила, как отец

при ней говорил, что у Серёги в руках ничего не теряется: хоть гайку с девятого этажа брось, тот внизу поймает и спросит, где шайба.

— Папа бы сейчас спросил про шайбу, — сказала она.

Сергей посмотрел на мандарин в своей ладони.

— Да.

Он положил его к остальным. Улыбки не получилось ни у кого.

Даша села. Сергей открыл бутылку и налил воду в стакан, который стоял возле мойки. Она не сказала, что стакан грязный: там с утра была только вода. Раньше такая мелочь обязательно стала бы разговором.

— Я звонил в несколько мест, — начал он. — Пока ничего не заказывал. Просто узнал, что понадобится. Когда разрешат забрать, не придётся бегать.

— Откуда ты узнал?

— Люда утром позвонила.

Он называл мать Людой всегда, ещё когда Даша была маленькой. Сейчас это прозвучало совершенно обычно.

— Тебе тоже сказали, что его убили?

Сергей сел напротив.

— Да.

— Я вчера думала, сердце. Он же мог... Я всё время думала: почему никто не заметил. Если бы заметили раньше.

Он не ответил, что всё было бы хорошо. Взял другой стакан, подержал под краном, поставил рядом с её стаканом.

— Следователь сказала, от ранения, — продолжила Даша.

— Кто-то сидел с ним рядом или подошёл. Просто подошёл. Сергей положил ладони на стол.

— Я вчера там был.

Даша сначала не поняла, где именно. В центре могло быть несколько помещений, он мог приезжать чинить вентиляцию. Потом увидела его лицо.

— В зале?

— На программе. С Мариной, мы вместе работаем. Она захотела посмотреть. Мне было по дороге, после встречи с заказчиком.

— Ты видел папу?

— В фойе. Поздоровались.

— И он ничего не сказал?

— Спросил, тоже ли мы на звёзды. Я ответил: тоже. Мы не разговаривали долго.

Даша вспомнила, что сама называла Сергея следователю: старый друг отца, человек, которому можно позвонить. Теперь он сидел за её кухонным столом и рассказывал, как за несколько десятков минут до смерти отец ещё мог пошутить.

— Что на нём было?

Сергей чуть нахмурился.

— Светлая куртка. Та, с тёмной молнией.

— Она старая.

— Да.

Даша сама не знала, зачем спросила. Хотела услышать

что-нибудь ещё: он держал куртку, поправлял воротник, искал очки. Сергей мог вернуть ей эти несколько движений, но вместо них сообщил:

— Я уже связался со следователем. Сегодня ещё поеду.

Из комнаты вышла Людмила. Остановилась на пороге кухни, взглянула на дочь и Сергея.

— Чай будете?

— Я был там, — повторил он, обращаясь теперь к ней. — Даша спросила.

— Она не спрашивала, — сказала Даша. — Ты сам сказал. Сергей кивнул.

— Сам. Прости.

Мать включила чайник. Даша ждала, что она тоже начнёт расспрашивать, но Людмила достала чашки. Одну поставила перед Сергеем, две оставила возле чайника.

— Тебе на сколько? — спросила она.

— К пяти.

— Тогда успеешь.

В их коротком разговоре Дашу раздражало всё: как они понимали, куда ему ехать, как спокойно передавали чашку, как продолжали распределять время в дне, который следовало бы отменить.

— Ты сидел рядом с ним? — спросила она.

— Сзади, справа. Шестой ряд.

— И не видел?

Сергей не стал немедленно отвечать. Это было хуже лю-

бого ответа.

— Я смотрел программу, Даш. Если бы я понимал, что с ним происходит, я бы...

Он остановился. Людмила повернулась от чайника.

— Не надо, — сказала она тихо.

Даша хотела спросить, чего именно не надо, но Сергей уже достал листок с телефонами. На нём были названия двух организаций и список документов. Он передвинул бумагу к ней, оставив между ними свободное место.

— Здесь только справочная информация. Вы сами решите, кому звонить.

— Я не могу решать.

— Тогда пока не решай. Я оставлю.

Мать поставила на стол чай. Никто не взял чашку сразу.

***

В кабинете Северовой Сергей снял пальто и спросил, куда положить. Вешалка стояла за стулом. Он повесил пальто, убедился, что край не зажат дверцей шкафа, сел. Евгения отметила его привычку поправлять вещь до конца: некоторые люди делали это, чтобы выиграть время, другие не могли иначе.

Он принёс паспорт и свой бумажный билет. В телефоне нашёл платёж за два места. Сергей сразу открыл покупку, но Евгения сначала попросила рассказать о дне.

— Мы закончили осмотр помещения, — сказал он. — Марина сказала, что недалеко показывают программу. Она собиралась сходить ещё летом. У меня до следующего дела было свободно.

— Какого дела?

— Дома хотел закончить расчёт. Это не встреча. Можно было позже.

— Кто предложил именно этот показ?

— Марина сказала про центр. Время посмотрели вместе. Он назвал место дневной работы и человека, с которым встречались. Это можно было проверить, и Евгения записала отдельно. Спешить к знакомству с погибшим было удобно, но тогда весь день сжимался бы до одного случайного приветствия.

Сергей объяснил, что Марина занимается своей частью проектов, они часто выезжают вместе. Она замужем, фамилия Тонких. Последнее он добавил без вопроса, затем слегка поморщился.

— Это, наверное, не требуется.

— Мне требуется понимать, с кем вы пришли.

— Коллега. Я не хочу, чтобы потом люди...

— Я вас слышала. Когда увидели Корнеева?

— После покупки. В фойе, до входа в зал. Он стоял ближе к стене, телефон убирал. Мы подошли к дверям, он обернулся.

Северова попросила передать слова, которые тот произ-

нёс. Сергей повторил шутку о звёздах. Сам ответил что-то вроде «надо же и нам повышать уровень». Марина поздоровалась. Он не помнил, представил ли её по имени; вероятно, назвал.

— Корнеев сказал, с кем пришёл?

— Нет.

— Вы спросили?

— Нет. Мы потом ещё в гардероб не пошли, я сказал Марине, что пальто в зале сниму. Там всё уже двигалось к дверям.

Сергей рассказывал без торопливости, иногда возвращался на полфразы. Вспомнил, что кассир не сразу нашла свободную пару, Марина пошутила, а он потом проверял, не остался ли телефон возле терминала. Евгения дождалась, пока он закончит.

На схеме он указал шестой ряд, крайнее правое кресло.

— Вы на восьмом, Марина на седьмом?

— Да. Мне удобнее у прохода, ноги длинные.

— В пальто оставались?

— Нет, снял. Жарко. Сложил на колени. Там спинка откинута, вешать неудобно.

На нём была рубашка с длинными рукавами, без пиджака. Он сказал это, когда Евгения попросила описать одежду, а затем уточнил, что сегодня другая рубашка. Вчерашнюю он снял дома. Северова отметила сведения и продолжила разговор о зале.

— Корнеева на месте заметили?

— Перед началом — да. На ряд впереди, ближе к середине. Там места пустые были.

— Какие именно?

Сергей посмотрел на схему.

— Я не считал. Между ним и правым проходом никто не сидел. Слева не скажу точно.

— Куртка где находилась?

— На соседнем кресле. По-моему. Я не следил.

Он не выбрал сторону. Евгения не предложила ему выйти.

— Вы подходили к Вадиму в зале?

— Нет. Мы в фойе уже поздоровались.

— Во время показа вставали?

— Да. Один раз. Ноги затекли, я постоял у задней стены и вернулся. Пальто на кресле оставил.

— Из зала выходили?

— Нет.

— Марина?

— Выходила ненадолго. Кажется, в туалет. Я не спрашивал. Вернулась, села.

— Насколько ненадолго?

— Не засекал. Несколько минут.

— Вы встали до её выхода или после?

— После. Не сразу. Она прошла мимо меня, я ещё сидел.

— А когда вернулись на место, она уже была там?

Сергей задумался.

— Мы потом разговаривали. Она сказала, что лучше себя чувствует. Но кто раньше сел, не скажу. Я больше на неё смотрел, чтобы опять не побледнела. Она не хотела уходить совсем.

Евгения попросила показать на схеме, где именно он стоял. Сергей указал участок у задней стены возле правого прохода. Свидетеля, который всё время видел бы его там, назвать не смог.

Он не мог связать её выход с определённой частью программы. Помнил крупное изображение планеты, которое медленно двигалось по куполу, но таких изображений могло быть несколько. Не слышал ли он в это время разговор рядом? Сергей покачал головой. Слышал ведущий голос, музыке, шорохи. Никто не кричал.

— После окончания?

— Оделся. Мы вышли. Марина торопилась, её дома ждали. Я её подвёз немного, до удобной остановки.

Он назвал место, где остановил машину. Евгения записала для проверки с Мариной и с доступной записью фойе. В момент обнаружения тела многие уже покинули центр; сама по себе чужая спешка объясняла очень мало.

— После остановки сразу домой?

— За бумагами ещё заехал. У нас рабочая комната во дворе со стороны Московского проспекта. Наутро к заказчику собирался, нужна была папка. Забрал и поехал домой.

Он назвал адрес, объяснил, где въезд, и вспомнил звонок заказчика по дороге. О самой папке сказал меньше: замеры, листы согласования, обычная работа к утру. Евгения записала и этот заезд для проверки.

— О смерти когда узнали?

— Сегодня утром от Людмилы. Потом позвонил вам.

Он посмотрел на свои руки.

— Я понимаю, как это выглядит. Знал его столько лет, сидел за спиной и ничего.

— Сколько лет вы знакомы?

Сергей назвал год, потом стал считать и махнул рукой.

— Больше двадцати. Мы уже взрослые были, когда познакомились. По работе, потом семьями.

— Последнее время общались?

— Реже.

— Из-за развода?

Сергей поднял глаза.

— Из-за того, что после развода он требовал выбирать, кто прав. Я с Людой тоже давно знаком. И с Дашей. Не могу же я перестать с ними разговаривать.

— Он требовал прямо?

— Прямо он говорил: «Я тебе ничего не запрещаю». А потом спрашивал, что они ели и зачем я приехал. Если я у Даши что-то чинил, он на следующий день ехал проверять, не напортачил ли я. Он и раньше так делал. Просто раньше мы смеялись.

Впервые за разговор Сергей отвёл взгляд надолго. Смотрел на шкаф, словно там висела фотография, которую Евгения не могла увидеть.

— Вы ссорились?

— Да. Последний раз сказал ему, чтобы не учил меня жить. Ничего оригинального.

— Когда?

— На прошлой неделе. Могу посмотреть звонки. Но это по телефону было.

Он протянул руку к аппарату и остановился, дожидаясь её ответа.

***

К вечеру Даша вынула из прозрачной папки листок с телефонами. Прочитала всё, чего не могла прочесть днём. Папка, оказалось, была нужна для обычных бумаг: свидетельств, справок, квитанций. Она рассердилась на себя за утреннюю ненависть к вещи, которую Сергей купил, чтобы ей было легче.

Мать сидела у окна с небольшим словарём. Работа почти не двигалась. На экране было открыто письмо, а рядом лежала записка с одним немецким словом, выписанным крупно. Даша хотела спросить значение и не спросила: отец всегда просил мать переводить с ходу, будто у неё внутри был встроен аппарат.

— Он правда тебе помогал? — сказала она вместо этого. Людмила отложила карандаш.

— Сергей?

— С квартирой. Когда ты переехала.

— Помог перевезти вещи.

— Папа сердился?

— Папа сердился на сам переезд. На Сергея тоже.

Даша опустилась на край дивана. Материны вещи ещё лежали в тех же коробках, в которых их привезли весной. Некоторые были открыты, некоторые стояли одна на другой, надписанные рукой Сергея. Даша вдруг заметила, что он писал не «книги», а «Люда — книги», хотя чужих вещей в машине тогда не было.

— Я думала, ты ненадолго, — сказала она.

— Я знаю.

— Я не выгоняю.

— Я и этого от тебя не слышу.

Мать убрала словарь, освободив на столе место для папки. Даша положила листок с телефонами. В списке требовались документы отца; она представила его паспорт с потёртой обложкой, который пока оставался у следствия. Захотела спросить, когда вернут, и стиснула зубы. Если заговорить о паспорте, придётся спрашивать и про всё остальное: ключи, телефон, куртку.

— Давай завтра, — сказала Людмила. — Всё, что можно завтра, мы сделаем завтра.

— Только ты не говори, что он бы хотел. Все начнут говорить, что он бы хотел.

— Не буду.

Даша легла на диван прямо в джинсах. Мать села рядом, не касаясь её. Через несколько минут Даша сама положила голову ей на колени. Людмила убрала с дочериного лба прядь и стала перебирать волосы, осторожно обходя колючую заколку. Папка осталась открытой на столе.

Глава 7. Складная трость

На записи Бережной смеялся раньше остальных.

Он сидел за длинным столом, в светлой рубашке, между женщиной с высоким стаканом и мужчиной, которого почти полностью закрывал букет. Вадим Корнеев стоял чуть в стороне. Кто-то попросил рассказать ещё одну историю, и он охотно согласился. Было видно, что рассказывать ему нравится: он держал паузу, ждал, пока слушатели закончат смеяться, потом добавлял подробность.

Суханов остановил видео.

— Это полная запись. Вчера получили у женщины, которая снимала. В пересылке начало обрезано.

Евгения смотрела на застывшее лицо Вадима. Таким его ещё не знала. На фотографии в документе он казался серьёзнее и старше; здесь улыбался всем сразу, словно каждому обещал отдельную хорошую историю.

— Включите дальше.

Рассказ был о мальчике, у которого директор вытряхнул портфель. Искали пропавшую вещь. Среди учебников и тетрадей выпали завёрнутые в пакет хлеб и котлета. Вадим воспроизвёл замечание директора о школьной столовой и домашнем запасе. Кто-то засмеялся. Потом смех стих: рассказчик уже говорил о мальчике, собиравшем с пола еду.

Бережной в кадре перестал улыбаться.

— Не совсем так было, — произнёс он. — Ты же понимаешь.

— Понимаю. Он потом к нам на труды пришёл, — ответил Вадим. — Скотч просил. Пакет порвался.

Дальше спорили сразу несколько человек. Женщина со стаканом просила не портить встречу. Мужчина за букетом пытался вспомнить, кто ещё учился в том классе. Бережной говорил, что проверили не только этого мальчика. Вадим ответил, что это его не оправдывает.

Один голос попросил прекратить съёмку. Запись ещё несколько секунд показывала край стола, чью-то руку и тарелку с огурцами, затем оборвалась.

Евгения убавила звук, хотя видео закончилось.

— А про увольнение?

— В исходнике нет. И про то, что ударил, нет. Это уже при пересылке приросло. Человек рассказал человеку, что бывшего директора разоблачили, значит, за что-то уволили. Но публичный спор был.

— Как давно?

Суханов назвал дату встречи в сентябре. До смерти Корнеева прошло несколько недель. Обрывок ещё ходил по местным чатам: в нём легко было узнать Бережного, который теперь руководил небольшой образовательной компанией. Для него чужая память получила вполне нынешний адрес.

— Он просил удалить?

— Просил. У неё сохранились сообщения. С угрозами самому Корнееву пока отдельно разбираюсь.

Евгения снова включила начало. Бережной смеялся, доверяя рассказчику. В этом была самая неприятная часть записи: он ещё не знал, что сейчас окажется внутри истории.

***

В субботу у компании Бережного шли занятия. За стеклянной дверью подросток рисовал маркером на доске и уверял преподавательницу, что именно так всё объяснили в школе. Она предложила ему объяснить ещё раз, с самого начала. Бережной остановился в коридоре, услышал знакомую интонацию, но вмешиваться не стал.

— Здесь можно, — сказал он Суханову, открывая маленькую комнату без окон. — У нас все кабинеты заняты. Чай?

— Спасибо, не надо. У вас мать дома?

Бережной, уже взявшийся за чайник, обернулся.

— Почему вы спрашиваете?

— Вы говорили, после показа ехали за ней к сестре. Нужно уточнить поездку. И предмет, который был у вас с собой.

— Я сразу сказал, что это трость.

— Вы сказали. Теперь покажете, мы опишем. С матерью тоже поговорим, если ей позволяет здоровье.

Бережной поставил чайник обратно. На столе лежали рекламные листки, пачка договоров, два ластика и пакет с дет-

скими бахилами. В такой комнате трудно было выглядеть человеком, который ничего не обязан объяснять.

— Она в ясном уме, — сказал он. — Ходит плохо. Это разные вещи.

— Я именно потому спрашиваю, а не решаю за неё.

Бережной выдохнул. Дал адрес, договорился о визите. Потом сам заговорил о записи.

— Я понимаю, что вы её видели. Только если начнёте с интернета, далеко уйдёте.

— Мы начали с человека, который снимал.

— Уже лучше.

Он сел, но почти сразу встал: кто-то постучал и попросил ключ от шкафа. Бережной снял ключ с общей связки. Девушка за дверью сказала, что родители опять принесли наличные без сдачи. Он хотел что-то ответить, посмотрел на Суханова и ограничился:

— Положи отдельно, я подойду.

Дверь закрылась. Бережной провёл ладонью по столу, сдвигая к краю мелкий мусор.

— Я не бил того мальчика. И не увольняли меня из-за него. Я ушёл через много лет, совершенно по другой причине.

— Об этом мы вас пока не спрашивали.

— А все спрашивают. Точнее, никто не спрашивает, все уже знают. У нас на этой неделе два договора не подписали. Может, цена не подошла. А может, посмотрели, какой я

зверь. Попробуй выясни.

Суханов предложил изложить сам эпизод. Бережной заговорил о пропавшей вещи, о жалобе родителей, о необходимости действовать быстро. Слова были гладкими, привычными. Потом он остановился.

— Да, я высыпал содержимое портфеля на пол. У нескольких детей. У этого тоже. Я не утверждаю, что надо было так делать.

— А замечание про еду?

— Было. Не дословно, как Вадим изобразил. Но было.

— Вы потом с мальчиком говорили?

Бережной посмотрел в дверь.

— Не помню. Хотите, чтобы сказал: конечно, извинился? Не помню.

За стеной кто-то захлопал. Подросток, судя по всему, решил задачу. Бережной помолчал, слушая шум, который в другой день непременно заставил бы его выглянуть и попросить тише.

— Вы злились на Корнеева после встречи?

— Очень. Он мог сказать мне это раньше. Наедине, хоть через год после того случая. Он выбрал вечер, когда я не мог уйти, не выставив себя дураком. Все смотрели. Он знал, как рассказать, чтобы все смотрели.

— Что вы ему сказали после?

— Что он поступил подло.

— Ещё?

Бережной потерял дужку очков.

— Что я этого так не оставлю.

Суханов не попросил немедленно объяснить, что означает «этого». Подождал. Бережной сам добавил:

— Хотел, чтобы удалили видео. Чтобы он написал людям, что никаких побоев и увольнения не было. Хотя бы это. Он ответил: неправду я не рассказывал. И технически оказался прав. Но разошлась-то неправда.

— Эти сообщения у вас сохранились?

— Да. Я ничего не стирал.

Он произнёс это с такой обидой, будто сохранённая переписка должна была немедленно вернуть ему доброе имя. Суханов договорился о её передаче и о встрече со следователем.

***

Мать Бережного открыла дверь сама. Она держалась за стоявшую у стены тумбу, а трость лежала на стуле слишком далеко. Илья шагнул вперёд, взял её под локоть.

— Мам, я же просил дождаться.

— Ты попросил в домофон, а я уже встала. Здравствуйте. Она посмотрела на Суханова, потом на сына.

— Обувь можете не снимать. Только на коврик не наступайте, он сохнет.

Бережной поднял трость. Складная, с привычно потёртой

ручкой и резиновым наконечником, который оставил на полу полукруглый след. Рядом со стулом лежал мягкий длинный чехол. Суханов попросил разрешения осмотреть и описать вещи. Женщина согласилась, но велела сначала подать ей трость: до кухни она предпочитала дойти сама.

За кухонным столом она уточнила, о каком четверге идёт речь, и сказала, что была у дочери. Илья должен был забрать её вечером. С собой у неё имелась другая опора, но эту трость она любила больше. Он обещал привезти её из дома, а потом заехать за матерью.

— Так и вышло, — сказала она. — Только долго собирались. Я забыла очки, вернулась. Потом пакет с яблоками не могли найти. Он был у Ильи в машине, мы сами туда положили.

Бережной стоял возле холодильника, скрестив руки.

— Это уже после восьми было.

— Я время не запоминала, — ответила мать. — После твоего кино. Ты же рассказывал, что ходил на небо.

— На программу, мам.

— Ну, на программу про небо.

Суханов спросил, не осталось ли звонков, по которым можно восстановить время. Женщина принесла телефон, предварительно велев сыну не трогать чашки: он поставит их так высоко, что ей потом не достать. У сестры тоже предстояло уточнить детали.

— Вы давно знакомы с Вадимом? — спросила она вдруг.

Суханов ответил, что расследование началось после его смерти.

— Жаль его. Мне Илья рассказал.

Бережной опустил руки.

— Мама, давай не будем.

— А что не будем? Человека жаль. Я его не знала, но тебя слушала.

Она не стала говорить о сыне ни хорошего, ни оправдательного. Переставила блюдо, чтобы удобнее было дотянуться до сахара, и спросила, когда ей вернут чехол, если заберут. В нём трость не пачкала вещи.

Суханов объяснил, какие действия нужны с предметами и как это будет оформлено. Бережной достал для матери другую трость из прихожей. Она попробовала ручку и недовольно покачала головой, однако спорить не стала.

У лифта Илья остановился.

— Вы ведь понимаете, что она теперь будет думать?

— Она сама спросила о погибшем.

— Она спросит у сестры. Сестра почитает. И вечером мне позвонят уже с готовой историей.

— Тогда расскажите им свою. Без того, что вам дописали в интернете.

Двери лифта открылись. Суханов вошёл, Бережной остался на площадке. Вид у него был растерянный: совет не давал способа заставить родных поверить.

На встрече с Северовой Бережной описал свой вечер гораздо суше. Билет купил заранее, планировал занять время между работой и поездкой за матерью. Корнеева увидел в фойе, но подходить не стал. В зале сидел на четвёртом ряду, втором месте, чехол положил у ног так, чтобы не мешал проходить.

— Вставали во время программы?

— Нет.

— Корнеева со своего места видели?

— Он сзади. Мне надо было оборачиваться.

— Оборачивались?

— Перед началом, когда люди садились. Потом нет. Я пришёл посмотреть.

Она спросила о выходе. Бережной помнил свет, чужую сумку в проходе, женщину с телефоном. Придержал ей дверь. Она пожаловалась на дождь, хотя дождь к тому времени мог уже закончиться. Он ответил, что осень такая, и пошёл к машине. Ни имени женщины, ни того, где она сидела, не знал.

Рассказ сходиллся с отдельным воспоминанием Зинаиды.

— Вадима тогда видели?

— Я не смотрел на него.

Бережной произнёс это жёстче прежнего. Потом сам по-

яснил:

— Не хотел. Я сел и думал, что будет смешно, если мы опять встретимся у выхода. Придётся кивать или делать вид, что не заметили. Поэтому просто пошёл.

Евгения вспомнила его смех в начале записи. Когда она сказала об этом, Бережной долго молчал.

— Я думал, он расскажет про шкаф, — ответил наконец.
— Мы в школе однажды шкаф подняли на третий этаж, а он в дверь не прошёл. Вадим всегда с этого начинал. Я уже знал, где смеяться.

— А он рассказал другое.

— Да.

Он поправил очки и попросил воды. Евгения подала бутылку. Бережной откручивал крышку слишком долго, пальцы скользили. Когда открыл, отпил и поставил бутылку на край стола.

— Вы передайте дочери... — начал он и замолчал.

— Что передать?

— Ничего. Я сам, если понадобится.

После его ухода Евгения вернулась к переписке. Там было несколько злых сообщений и несколько требований опровергнуть то, чего Вадим действительно не говорил. Она выписала даты, отметила людей, которых следовало опросить. Затем попросила Суханова ещё раз связаться с автором полной записи: важен был разговор, который продолжился после выключенной камеры.

Глава 8. Незаконченная работа

На дверце отцовского шкафа всё ещё висела записка: «Не трогать. Сохнет».

Даша прочла её и сразу представила, как отец смеётся над человеком, который послушается. Записке было, наверное, три года. Сначала она относилась к покрытой лаком деревянной панели, потом панель увезли, а бумажка осталась. Отец утверждал, что теперь она относится к нему: до обеда не трогать, после обеда уже высох.

В общей мастерской пахло иначе, чем в Дашиной: древесиной, пылью, холодным металлом. Здесь предметы не требовали тишины. Их можно было поставить с грохотом, уронить, толкнуть коленом; отец всё равно услышал бы в этом что-нибудь рабочее.

Яна открыла шкаф своим ключом. Тёмно-зелёный плащ она повесила возле двери, осталась в тонком свитере с закатанными рукавами.

— Там в нижнем ящике фотографии, — сказала она. — Он приносил для стенда. Не все забрал.

Даша присела. Мать попросила выбрать снимок для прощания. В телефонах находились десятки хороших фотографий, но на каждой отец поворачивался, говорил или держал что-то перед лицом. На официальной школьной фотографии он был чужим. Даша пришла сюда за обычным отцом, кото-

рый не знал, что его станут выбирать.

В ящике лежали конверты, два зарядных устройства, старый календарь и три маленькие отвёртки. Она подняла календарь. Под ним обнаружился снимок: отец возле длинного верстака, в очках на лбу, смеётся кому-то за краем кадра. Рядом видна чужая рука с деревянным самолётом.

— Это можно? — спросила Даша.

Яна посмотрела.

— Твой отец. Конечно, можно.

— Я про руку. Придётся обрезать.

— Это моя рука. Обрезай.

Даша положила фотографию в принесённый конверт. Оказалось, одну задачу всё-таки можно выполнить. От этого захотелось немедленно уйти, пока не началась следующая.

Но Яна уже доставала со стола бумаги.

— Я списки собрала. Люди звонят, хотят знать, будут ли занятия. Пока сказала, что отменены. Деньги за несостоявшиеся надо возвращать, но я сначала всё сверю. Тебе сейчас этим заниматься не нужно.

— Тогда зачем говоришь?

Яна убрала бумаги обратно.

— Чтобы ты не узнала от кого-нибудь, будто я всё закрываю за твоей спиной.

— А ты закрываешь?

— Сейчас я отвечаю людям. Остальное потом.

Даша посмотрела на доску с расписанием. Субботняя

группа была обведена синим. Возле имени отца кто-то нарисовал маленькую звезду. Эта смешная отметка показалась оскорбительной, хотя появилась задолго до четверга.

Дверь открылась, и в мастерскую вошёл Кирилл Трофимов. Он был в короткой куртке, без шапки, волосы прилипли ко лбу. Увидел Дашу и остановился.

— Я думал, здесь Яна одна.

— Здесь Яна не одна, — сказала Даша.

— Вижу.

Он не стал изображать, что пришёл случайно. Посмотрел на открытый шкаф, на конверт у неё в руках, затем спросил Яну:

— Фрезер можно забрать?

Даша выпрямилась.

— Ты серьёзно?

Кирилл не сразу ответил. Его лицо стало краснее — то ли от тепла, то ли от её голоса.

— Он мой, Даш.

— Папу ещё не похоронили.

— Я знаю. Мне очень жаль. Но у меня работа стоит.

Даша услышала только «но». Всё, что шло до него, можно было не говорить.

Яна подняла ладонь.

— Сейчас никто ничего не выносит. Мы договаривались сначала разобраться, что чьё, что нужно следствию. Я твоё сообщение получила.

— Ты сказала, приезжай, — ответил Кирилл.

— Я сказала, можем поговорить. Не сказала, что всё отдам с порога.

Он снял куртку, словно это доказывало, что разговор будет долгим. Повесить было некуда: на ближних крючках лежали фартуки. Кирилл положил куртку на пустой стул и остался стоять. Даша заметила белую полосу старого клея на его джинсах. Месяц назад она подсказала бы, чем попробовать снять. Теперь полоска раздражала как ещё одно доказательство, что человек живёт обычной жизнью.

— Зачем твой фрезер у папы? — спросила она.

— Он попросил для группы. Его старый барахлил. Я оставил на два занятия.

— И?

— И два занятия кончились. Потом ещё одно. Я сказал, что забираю.

Кирилл подошёл к верстаку, но Яна указала на стул. Он сел. Даша осталась стоять возле шкафа.

— У меня на него документы есть, — сказал он. — Чек электронный, серийный номер. Не вопрос, чья вещь.

— А в чём вопрос?

— Вадим Алексеевич сказал, сначала закончим общее дело. Я обещал помочь ему подготовить заготовки. Не доделал, потому что заказ взял. Он считал, что я подвёл людей.

— А ты не подвёл?

— Подвёл. Это не делает мой инструмент его инструмен-

том.

— Заготовки вон лежат, — сказала Даша, показав на дальний край верстака. — Значит, папе пришлось самому.

Двенадцать коротких планок были стянуты бумажной лентой. На верхней виднелись ровные отверстия с углублениями под головки винтов; на торце карандашом стояла двойка. На соседней связке таким же карандашом была написана единица. На занятии собирались делать небольшие настенные полки.

Кирилл посмотрел на планки, но к столу не подошёл.

— Он тебе сказал, что сам?

— Я и без него вижу, что сделано.

— Вижу и я.

Яна взяла верхнюю связку, перевернула и вернула на место.

— В четверг я ушла раньше Вадима. Кто здесь потом что доделывал, у меня не записано. Пока положим отдельно от вещей, которые нужно выдать.

— Я мог доделать, — сказал Кирилл. — Если бы меня пустили.

— Когда?

— Во вторник вечером просил оставить ключ. Яна, ты же помнишь.

Даша перевела взгляд на Яну.

— Он забрал у Кирилла ключ от входной двери, — пояснила та. — Сказал, больше одного здесь не оставит. Они не

только о сроках поссорились: Кирилл без согласования взял другой материал. Я тогда была здесь.

— Потому что в том сосна с сучком, а мне нужен был ровный кусок, — сказал Кирилл. — Я разницу оплатить не отказывался.

— Мы сейчас не выбираем, кто из вас всегда прав.

Яна говорила устало. Даша посмотрела на готовые планки и представила отца поздно вечером: он остаётся доделывать за человека, которого сам же не пустил к станку. Картина получалась знакомой и от этого ещё сильнее злила.

— И рамки здесь, — продолжил Кирилл. — Четыре штуки, готовые. Для моего заказа. Я их в сушку поставил с разрешения. Он сказал: заберёшь, когда рассчитаемся за материалы и время мастерской.

— Значит, ты должен был?

— За материалы должен. Сумму мы сверяли. А про время мастерской раньше не говорили. Я ему помогал бесплатно, он мне давал место. Потом это вдруг стало арендой.

Яна подвинула к нему лист бумаги.

— Напиши всё по отдельности. Что купил ты, что брал здесь, за что договорились платить. Без «он всегда» и «я никогда».

Кирилл посмотрел на чистый лист, будто ему предложили сочинение.

— Я уже писал.

— Тогда покажи.

Он достал телефон. Даша увидела отцовскую фотографию над перепиской: ту самую, где он держит маленький деревянный кораблик. Кирилл пролистал сообщения и положил аппарат на стол.

Отец писал длинно. О том, что работа держится на ответственности, что невозможно начинать своё дело, оставляя другим последствия. Кирилл отвечал коротко, иногда грубо. Потом шло сообщение, от которого у Даши свело пальцы: «Сегодня приеду. Если опять начнёте воспитывать, разговор будет другой».

Дата была восьмое октября.

— Это что? — спросила она.

Кирилл потянул телефон к себе.

— Что написано.

— Какой другой разговор?

— Хотел забрать своё и уйти. Больше у него не работать.

— А сначала хотел, чтобы тебя всё-таки пустили доделывать?

Кирилл повернул телефон экраном вниз.

— Я и днём хотел одного, и к вечеру другого. Даш, я не могу сейчас сказать одну правильную фразу за весь четверг.

— Ты ему угрожал.

— Я на него злился.

— Ты был там?

Кирилл замер. Яна посмотрела на Дашу.

— Где — там? — спросила она.

— На показе, — сказал Кирилл сам. — В «Круге». Я уже рассказал полиции. Меня нашли по билету, я никуда не прятался.

Даша вдруг увидела зал, которого никогда не видела: отец в кресле, вокруг люди, которых она знала, и каждый принёс ему своё недовольство. До этой минуты убийца казался чужим человеком, пришедшим из города. Теперь город уменьшился до отцовской мастерской.

— Ты за ним пошёл?

— Я знал, что он будет там. Он сказал днём: после показа можно поговорить. Я купил билет. Думал, до начала тоже успеем.

— И поговорили?

— В фойе он сказал: потом. Там люди были. Мне надоело ждать, я сел. После...

Кирилл замолчал и посмотрел в сторону окна.

— После что?

— После он не встал. Люди пошли, я тоже. Я решил, он меня специально не замечает. Это глупо, но я так решил. Хотел выйти и подождать снаружи. Потом услышал, что внутри что-то случилось.

Его голос стал тише. Даша не понимала, верит ли ему. Он был достаточно молод, чтобы всякая неприятная правда выглядела оправданием, и достаточно взросл, чтобы она не хотела делать ему скидку.

Яна сказала, что подробности вечера нужно сообщить

следователю, если он сообщил не всё. Кирилл резко кивнул.

— Я сообщил.

— Тогда оставь список вещей. И контакт заказчика рамок, если он согласится подтвердить заказ. Фрезер сейчас искать не будем.

— Он внизу, в сером кейсе.

— Я знаю, где он. Сейчас не будем.

Кирилл забрал телефон, достал ручку из стоявшей на столе кружки и начал писать. Несколько раз зачеркнул слова. Даша ждала, что он всё-таки извинится за сообщение. Он не извинился. Написал номер модели фрезера, своё имя, телефон и положил ручку обратно.

Он поднял со стула куртку и надел, не застёгивая.

— Соболезную, — сказал у двери. — Я правда.

Даша не ответила. Только когда он ушёл, заметила, что конверт с фотографией согнулся у неё в руке.

***

Яна поставила на стол две кружки. Даша хотела сказать, что не будет пить чай, но Яна уже налила воду и положила по пакетику.

— Ты считаешь, он прав? — спросила Даша.

— Насчёт фрезера — да. Насчёт того, что бросил подготовку группы, — нет.

— Папа бы отдал.

— Возможно.

— Не «возможно». Отдал бы.

Яна села напротив, сдвинув в сторону список.

— Даша, он несколько раз не отдал. Это уже случилось. Я не знаю, что было бы потом.

В помещении стало слишком тихо. Когда здесь работали люди, непрерывно что-то гудело, скрипело, стучало. Без них слышался холодильник в маленькой комнате за стеной. Даша не знала, что у отца был холодильник.

— Ты мне тоже писала, — сказала она.

— Да.

— Я показала следователю.

Яна кивнула, не испугавшись так, как Даша ожидала.

— Хорошо. Я сама покажу. Там нет ничего, от чего я отказываюсь.

— Ты хотела, чтобы я давила на него.

— Я хотела, чтобы он услышал кого-нибудь. Меня не слышал.

Даша отпила чай и обожгла язык. Поставила кружку с ненужной силой, вода плеснула на стол. Яна подала тряпку. В этом простом движении не было ни торжества, ни утешения, и Даша впервые за день смогла немного успокоиться.

— Мы фотографию нашли, — сказала она. — Я за этим пришла.

— Нашли.

— Остальное я сейчас не могу.

Яна забрала список Кирилла, положила в прозрачный файл.

— Тогда не можешь. Я вещи сохраню. Ничего сама раздавать не буду.

Даша посмотрела на шкаф. Внизу стоял серый кейс, которого прежде она не замечала среди отцовского имущества. Ручка была обмотана синей лентой. Если бы Кирилл не пришёл, она назвала бы его папиным инструментом и не усомнилась.

***

В своей мастерской Даша открыла рабочий чат и увидела сообщение заказчицы: «Как наш альбом? Можно будет забрать во вторник?»

Она написала, что произошли семейные обстоятельства и срок придётся перенести. Стерла. Написала, что умер отец. Ещё раз перечитала, отправила.

Женщина ответила почти сразу, выразила соболезнования и попросила только сказать, на когда ориентироваться. Даша сначала рассердилась. Потом посмотрела на альбом: чужая жизнь лежала под лёгким грузом, ожидая её рук. Заказчица не могла знать, что каждый вопрос теперь казался требованием быть прежней.

Она обещала уточнить срок после понедельника. Перевернула телефон в беззвучный режим, но не убрала. Открыла но-

мер Северовой.

Сообщение Кирилла можно было пересказать мягче. «Он хотел забрать инструмент». «Они спорили». Отец ведь тоже писал неприятные вещи, и в каждом из этих слов была часть правды. Даша долго смотрела на экран, прежде чем набрать, что видела переписку от восьмого октября и хочет сообщить её содержание. Добавила: сам телефон у Кирилла, копии у неё нет.

Северова перезвонила через несколько минут. Выслушала, уточнила, где и при ком Даша читала, попросила не пытаться получить у Кирилла признание собственными силами. Даша ответила резко:

— Я не пытаюсь. Мне нужно знать, что он не заберёт папины вещи.

Потом замолчала. Сама услышала сказанное.

— Его вещи, — поправилась она. — Если они его. Только сначала разобраться.

Евгения сказала, что разберутся. Без обещания закончить всё сегодня.

Даша положила телефон. Вынула фотографию из конверта, разгладила на столе. Отец смеялся Яне за кадром; в тот день она ещё давала ему свой самолёт и не просила перестать обещать за её счёт. Даша поставила снимок возле лампы и открыла альбом на той странице, где остановилась. Работать получилось только десять минут. Но эти десять минут она не слышала, как качается ножка верстака.

Глава 9. Два выхода

В воскресенье Евгения приехала к матери в половине десятого. Привезла хлеб, молоко и два пирожных, которые купила, уже отойдя от магазина и вернувшись. Настя открыла дверь, посмотрела на пакет.

— Мы завтракали.

— Это не завтрак.

Дочь взяла пакет и пошла на кухню. Ни объятий, ни обиды в голосе. Евгения разулась, убрала телефон во внутренний карман сумки и прошла в комнату.

Шкаф оказался меньше, чем в описании матери, а коробки — многочисленнее, чем в жалобе Насти. Между ними стоял стул, на который никто не мог сесть. На стене темнел прямоугольник обоев: раньше здесь висела полка.

— Его бы к другой стене, — сказала мать. — Здесь свет закрывает.

— Шкаф не будем сегодня двигать. Разберём, что внутри, потом решим.

— Я уже решила.

— А я ещё не открывала.

Мать поджала губы, но дала ключ от нижней дверцы. Внутри оказались старые папки, занавески, коробка ёлочных игрушек и Настины рисунки из начальной школы. Дочь, пришедшая защищать свои вещи, сама вынесла половину рисун-

ков на стол и стала выбирать, какие оставить. Бабушка сразу захотела оставить все.

— Тогда зачем мы разбираем? — спросила Настя.

— Потому что это память.

— Она у меня уже есть. Я помню, как нарисовала эту собаку. Это была корова.

Евгения засмеялась. Смех вышел неожиданным, слишком громким для маленькой комнаты. Мать посмотрела на рисунок, потом тоже улыбнулась.

Они договорились сложить рисунки в одну плоскую папку. Остальные решения давались хуже. Настя хотела поставить тренировочную подушку для барабанных палочек у окна; бабушка — цветочный столик. Евгения подвинула стул и села на место дочери. Отсюда окно было сбоку, а столик действительно мешал локтю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.